

АРИНА АРСКАЯ

18+

**ИГРУШКА ДЛЯ
НЕГОДЯЯ**

Арина Арская

Игрушка для негодяя

<https://litres.ru/74294174>

Аннотация

— Ты поедешь со мной, — Родион подносит чашку с чаем ко рту и делает небольшой глоток. — Рекомендую быть хорошей девочкой. Глаза холодные и равнодушные, как у хищника. Бросаю беглый взгляд на нож у разделочной доски и сжимаю трясущиеся ладони в кулаки. — Пока твой муж не соизволит вернуть деньги, Яночка, — лениво рассматривает узоры на чашке, — ты моя собственность.

♥# ХЭ

Содержание

Пролог	4
Глава 1. Незванный гость	9
Глава 2. Беседа за столом	14
Глава 3. Халатик	21
Глава 4. В доме врага	28
Глава 5. Вопрос с подвохом	34
Глава 6. Тайна злого Дракона	42
Глава 7. Беги и не оглядывайся	52
Глава 8. Герань и алиби	60
Глава 9. Великодушие негодяя	69
Глава 10. Воспитательная беседа	78
Глава 11. Настенька и пленница	85
Глава 12. Милость Чудовища	90
Глава 13. Решительность Красавицы	100
Конец ознакомительного фрагмента.	101

Пролог

Замираю с ложкой ванильного мороженого в полумраке гостиной, когда входит Родион в распахнутом халате на голое тело. Скользнув взглядом по мускулистой груди и кубикам пресса, судорожно сглатываю. Без трусов. И то, на что я сейчас, не мигая, смотрю, пугает меня до икоты. Я ведь не девственница, а шокирована до глубины души.

— Я тебе помешал? — небрежно спрашивает Родион.

Большой. Толстый. Темные завитки лобковых волос подчеркивают внушительные размеры, и полосой бегут к аккуратному пупку. Родиону бы в фильмах для взрослых сниматься и радовать искушенных зрительниц.

— Мои глаза выше, Яна, — он шагает к комоду, на котором стоит батарея из бутылок с элитным алкоголем.

Когда он разворачивается ко мне спиной, я выдыхаю, и с недовольством смотрю на липкие кляксы растаявшего мороженого на груди. Отставляю пластиковое ведерко на стол, облизываю ложку и застываю с ней во рту. Родион смотрит на меня, покачивая бокал с виски в одной руке.

За несколько секунд, которые потратил мой пленитель на то, чтобы откупорить бутылку и плеснуть крепкого алкоголя, его член налился кровью и восстал. Завораживающее зрелище. Темная головка, вздутые венки и аккуратные яички будят во мне неконтролируемую дрожь. Мне жарко и тяжело

дышать. Я хочу отвернуться, закрыть глаза, а не могу. Что-то темное вскипает во мне.

— Предпримешь еще одну попытку сбежать, Яна, — голос Родиона густой, хриплый и обволакивающий, — я тебя запру.

Делает ко мне шаг. Член с угрозой покачивается, и в голове перемыкает. Швыряю в Родиона ложку, от которой он устало уворачивается, и с криком подскакиваю на ноги. Нет сейчас во мне благоразумия, лишь инстинкты, которые толкают на очередную глупость.

Я не останусь в этом доме и не буду терпеть уроды, который решил, что ему все дозволено. Выбегаю со стуком высоких каблуков из гостиной в холл, и сильная рука хватается меня за волосы и дергает назад. В следующий раз надо скинуть туфли, чтобы увеличить шансы на удачный побег.

— Стерва ты упрямая, — Родион клопочет от злобы, заламывает руки за спину.

Ни единого шанса вырваться. Прерывистое горячее дыхание обжигает шею, и запястья стягивает бархатный пояс от халата.

— Пусти! Мудак! Урод!

Ужас, злоба и возбуждение смешивается во взрывной коктейль эмоций, что рвет меня истерикой и воплями. Родион с утробным рыком впечатывает меня спиной в стену, резко крутанув к себе лицом. Фиксирует подбородок в стальных пальцах и заглядывает глаза:

— Я непонятно изъяснился, Яночка?

А Яночка по жизни очень непонятливая и глупая. Предпринимая попытку пнуть Родиона по яйцам коленом, но он из тех мужчин, которых не застанешь врасплох. Я только дергаюсь, как он сжимает до боли левый сосок. Тело пронзает раскаленный прут, и я захлебываюсь, беспомощно раскрыв рот и вскинув голову к высокому потолку.

— Повтори, что я тебе сказал несколько минут назад? — теревит сосок, и у меня ощущение, что он его сейчас раздавит или оторвет. — Отвечай!

Его голос гулким эхом проносится по пустому темному холлу, и я всхлипываю, утопая в отчаянии. Мне не сбежать и никто не придет на помощь.

— Предприму... — судорожно шепчу, вздрагивая умирающим мотыльком в руках изверга, — еще одну попытку... запрешь...

— А теперь вопрос, Яночка, — ласково шепчет в лицо, отпускает сосок и накрывает горящую грудь теплой ладонью, — тебя закрыть в подвал или в мою спальню?

Неожиданный вопрос с гнусной подоплекой меня на секунду оглушает. В его доме, что ли, других мест нет, кроме подвала и его спальни?

— В подвал...

Однако ответ вышел неуверенным из-за дрожи и сиплой хрипотцы в голосе. Цепенею под горящим взглядом черных глаз не в силах пошевелиться. Руки за спиной затека-

ют, немеют. Запах терпкого виски пьянит голову, а близость мужского тела путает мысли.

Требовательная ладонь скользит по груди, талии и бедру, а затем ныряет под юбку. И тут я вскидываюсь, но пальцы Родиона уже в трусиках и жестоко сдавливают клитор, вынуждая застыть и не сопротивляться.

— Мокрая, — констатирует Родион, приблизив ко мне свое лицо, и пробегает пальцами по ноющим припухлым складкам, — ручьем течет.

Под мой приглушенный и стыдливый стон отворяется входная дверь, и в холл вваливается один из цепных псов Родиона. Плечистый, мрачный и со сломанным носом. Широкая и квадратная морда не выражает абсолютно никаких эмоций, а ведь его полуголый босс шарится пальцами у меня в трусиках.

— Мы его нашли.

— И где он? — Родион убирает руку из-под юбки и разворачивается к нему.

— Везут.

Ни жива ни мертва. И имени не надо называть, чтобы я поняла, кого отыскиали люди Родиона. Надеюсь, живой и целый.

— Очень любопытно, что скажет твой муженек, — Родион запахивает халат и не находит пояса, которым стянуты мои запястья.

Я вновь стою к нему спиной. Он с нескрываемым раздра-

жением развязывает руки:

— Приведи себя в порядок, Яна. Мужа важно встречать при полном параде.

Печально опускаю взгляд на сладкие пятна, что украшают мою грудь.

— Ты меня услышала? — сердито шипит в затылок

Не вижу его лица, но знаю, что оно его искажено гримасой злости. Он недоволен, что нам помешали. И думать не хочу, чем бы окончились грубые ласки, на которые предательски отозвалось мое тело.

— Да, — тихо и пристыженно отвечаю я. — Услышала.

Глава 1. Незванный гость

Я вышла замуж по большой и наивной любви. Сережа был моим одноклассником, который на втором курсе решился позвать меня на свидание. И я согласилась. С того вечера в тесном и дешевом кафе на Таганке все и закрутилось.

Сережа очаровал. Он, как и я, из простой семьи, однако он удивил далекоидущими планами и амбициями, которые меня и подкупили. У него была расписана вся жизнь чуть ли не по месяцам. После выпуска мы женимся, рожаем первого ребенка через год, за который копим на ипотеку, открываем бизнес с сетью из точками быстрого питания...

В общем, Сережа был хорошо подвешен на язык. Если бы он вознамерился улететь на Марс после окончания университета, то он бы нашел слова, которые бы меня убедили, что это реально. Я бы поверила и в то, что он может стать президентом, настолько он талантлив в пустых обещаниях.

И десять лет Сережа держит меня на крючке, что “вот-вот” все будет. И я верю. Я знаю, он старается. И мне нет резона ему не верить. И часть зарплаты он просаживает в онлайн-казино из-за желания устроить нашу жизнь, и в долги лезет из-за благородных мотивов.

Из всего запланированного мы можем похвастаться лишь небольшой двушкой в ипотеку в Чертаново. И то благодаря моим накоплениям и помощи со стороны родителей, ко-

которые заявили, что хватит нам по общежитиям мотаться и съемным комнатам. Итого: ипотека оформлена не через год после выпуска и скромной свадьбы, а через пять лет.

Ребенка мы так и не родили. Сережа и его мама поначалу обвиняли меня в том, что я какая-то бракованная. Когда я положила на стол перед свекровью все анализы, заключение врача, что патологий не обнаружено, и потребовала у Сережи самому провериться, то он дал слово, что на неделе сходит к специалисту. Идет к нему уже четвертый год.

С того серьезного разговора на кухне со всеми справками и анализами Сережа охладел ко мне. На словах он меня все еще любит, но близость между нами редкая, быстрая, неловкая и в миссионерской позе. И с тубиком смазки на водной основе. Сережа убежден — я фригидна и никакие ласки меня не заведут, поэтому смысл стараться? Я помню тебе сиськи, пару раз поцелую и хватит с тебя. Сухая? Нальем смазки и вперед. Вперед на две минуты, а затем вновь за компьютер мониторить ставки.

Я старалась разнообразить нашу сексуальную жизнь красивым кокетливым бельем, ужинами при свечах, играми, но все сводилось к двум, в лучшем случае трем минутам неприятного секса без попыток обласкать меня. Поэтому я смирилась с ролью бревна, которым Сережа шутливо называет меня. Мне бы его в ответ в дятлы записать, но ранить мужское эго означало бы совсем лишить нас секса.

Я не теряю надежды, что скоро все наладится. Сережу пе-

ревели на новую должность из архива в отдел закупок: он удачно подсуетился, когда одна из сотрудниц ушла в декрет. Зарплата выше на десять тысяч. И это действительно прогресс: на позиции документоведа и копировальщика он проторчал пару лет без желания что-то менять, а тут прямо загорелся, и я вновь увидела в нем того амбициозного парня, в которого влюбилась.

Новые обязанности требуют от Сережи внимания и времени, и он стал задерживаться на работе, а вчера внезапно не явился домой, но я не паникую. Раз в несколько месяцев на него находит, и он срывается без предупреждений с друзьями то в баню, то на рыбалку, то еще куда-то. Стресс сказывается, и “ему важно отдохнуть от всего дерьма и перезагрузиться”. Скандалами с ним ничего не решить. Я пыталась, а потом плюнула. Явится к понедельнику с цветами и виноватой улыбкой.

Чувствую, что все идет к разводу, но я игнорирую свое раздражение, злость и обиду. Если я решусь на этот шаг, то признаю: я потратила десять лет своей молодости впустую. Мне не двадцать, и даже не двадцать пять. Мне тридцать два года. Оглянуться не успела, как я из юной хохотушки обратилась в мрачную женщину, которая в тихой ярости режет хлеб для бутерброда. Одна радость — выпить сладкого чая с кусочком бородинского и ломтиком ветчины за слезливой мелодрамой.

Вздрагиваю от громкого и требовательного стука в дверь.

С сожалением смотрю на чашку с кипятком, в котором плавает пакетик черного чая и иду в прихожую. Рановато Сергей вернулся. Я его ждала завтра, в ночь с воскресения на понедельник. Неужели изменил своим привычкам?

Распахиваю дверь и вместо расхристанного и пьяного Сергея, меня с порога сметает два амбала и по-хозяйски проходят в квартиру.

— Какого... — я настолько возмущена их наглостью, что забываю, что логично в данной ситуации испугаться.

— Доброго вечера, Яна,— за хмурыми мужиками, что шагают в сторону спальни, заходит третий: высокий, плечистый брюнет лет сорока с аккуратно стриженной бородой и в темном костюме в тонкую полоску.

Меня такой типаж всегда пугал. В резких чертах лица незнакомца, его высоких скулах и безразличных карих глазах прослеживается расчетливая жестокость, а черная и густая поросьль на лице, уложенная волосок к волоску, подчеркивает его пугающую мужественность. Даже не так. Она подчеркивает его самость.

— Мое имя Родион, — прикрывает за собой дверь.

Один из бугаев ныряет в зал, и бородатый гость повелительно щелкает пальцами перед моим лицом, привлекая к себе внимание.

— Я глава компании, в которой работал твой муж, Яна.

— Его тут нет.

В прихожую возвращаются дружки Родиона, который бес-

страстно продолжает:

— Сергей спустил деньги компании... Нет, — он невесело усмехается, — мои деньги в онлайн-казино.

— Сколько? — севшим голосом спрашиваю я.

Родион молча шагает мимо меня на кухню, внимательно оглядываясь по сторонам.

— В ногах правды нет, Яна. Поговорим за столом.

Друзья Родиона хмуро и блекло смотрят на меня и ждут, когда я последую за гостем. Встряхиваю ладонями, сглатываю вязкую слюну и иду на кухню, отгоняя липкую тревогу.

Глава 2. Беседа за столом

Родион абсолютно не стеснен в чужой обстановке, будто он бывал на моей кухне с десяток раз. Расселся за столом, откинувшись назад, и смотрит на меня с высокомерием и леностью победителя по жизни. За спиной стоят его вышибалы и пялятся отсутствующими глазами перед собой.

— Сколько? — повторяю я вопрос и присаживаюсь напротив Родиона.

— Сто пятьдесят тысяч, — спокойно отвечает он.

Судорожно прикидываю, оформят ли на меня потребительский кредит, учитывая, что на мне висит ипотека.

— Долларов, — добавляет Родион.

Из моей груди вырывается сиплый клекот отчаяния. Боже милостивый, что Сергей натворил? У меня отнимаются от ужаса ноги.

— Яночка, — сухо говорит Родион, — где твой муж мог скрыться?

— Я не знаю...

— Вы, что, не близки с мужем? — небрежно спрашивает он и насмешливо вскидывает бровь.

— Близки.

— Если так, то ты должна знать, где он скрывается.

Я молчу. И мне становится стыдно за наши отношения с Сергеем. Он исчез с радаров, а я ничего не заподозрила.

— Яна, я человек занятой и не надо со мной играть в молчанку. Где Сергей?

— Я же сказала, — мой голос дрожит, — не знаю.

— Может, у друзей? — Родион медленно моргает.

Я тебе ничего про друзей Сергея не скажу, обормот бородатый. Они мне не нравятся, я их презираю и люди они неприятные, но я не скормлю их тебе.

— Она у меня через минуту заговорит, — отзывается один из вышибал Родиона с большой родинкой под левым глазом.

Родион оборачивает и поднимает взгляд:

— Она же дама, Петя.

— И?

— Ты, мать твою, серьезно? — голос низкий и рассерженный. — Алекс скажи ему, что у нас тут не заведено пытаться женщин.

Тот, который Алекс и с кривым от старого перелома носом, осуждающе смотрит на коллегу и качает головой.

— Погорячился, — Петя поджигает губы и вновь пялится перед собой.

— Прошу прощения, — Родион равнодушно улыбается мне, — я Петю только нанял, и он еще не освоился, но вернемся к Сергею.

— Я не знаю, где он.

— Хорошо, я принимаю этот ответ, — тянется к чашке с чаем и выуживает пакетик за язычок на ниточке. — Яночка,

я разъярен. Твой муж слил деньги, которые были выделены на покупку крупной партии техники в новый филиал компании.

— Как же ему удалось? — резонно интересуюсь я. — Куда бухгалтерия смотрела?

— А у него, как оказалось, очень тесная связь с бухгалтерией, — Родион откладывает пакетик на блюдце и многозначительно смотрит на меня.

— В каком смысле?

— В таком, Яна, — голос Родиона меняется с вежливого тона на звенящую сталь, — что твой муженек отымел старшего бухгалтера, запудрил ей мозги и она ему перевела деньги, которые он проиграл за один, сука, вечер. С рабочего компьютера. Еще вопросы?

Я ведь подозревала, что Сережа завел интрижку на стороне, но почему мне так больно и обидно? Сердце подсказывает к горлу и там замирает ледышкой. Я обескуражена и дезориентирована.

— То, что Сергей трахнул бухгалтершу, не самая твоя большая проблема, Яна.

Воздух пропитался запахом терпкого мужского парфюма. В иных обстоятельствах я бы мысленно одобрила выбор Родиона, но сейчас меня мутит от ноток цитруса и древесной коры, которые будут теперь ассоциироваться с чувством беспомощности и опасности.

— У меня нет ста пятидесяти тысяч долларов, — говорю

твердо, но голос все равно предательски дрожит.

— А я их у тебя требую? — Родион поднимает чашку с чаем. — Нет, Яна. Мне должен твой муж.

— Тогда покиньте квартиру, — я встаю и окидываю взглядом незваных гостей. — Если Сергей соизволит явиться, то я обязательно передам, что вы его искали.

Родион мягко смеется, но смех этот вибрирует не беззаботностью, а злостью.

— Сядь, — через мгновение он меняется в лице.

Лишь когда я села, то возмутилась. С какого перепугу и подчиняюсь приказам незнакомого мужика?

— Тебя муж любит? — спрашивает Родион без тени насмешки.

Что мне ответить? Ну, в свете последних событий, я понимаю, что в нашей семье кризис. И серьезный такой кризис, с которым не каждый семейный психолог справится. А если быть честной и откровенной, то я оказалась в жопе и сама того не заметила.

— Вот и посмотрим, — тон у Родина ровный и безэмоциональный.

— Что это значит? — меня охватывает беспокойство.

Я не услышала ни одной угрозы, ни оскорбления, ни грубости в свой адрес, однако передо мной сидит не галантный джентльмен, который заглянул на чашечку чая и интересную беседу. Я чувствую исходящую от Родиона угрозу. Воздух аж вибрирует от его тихой и затаенной ярости. И я недоумеваю, как

Сергею в голову могло прийти украсть деньги и ради этого соблазнить бухгалтера. Он в своем уме, нет?

— Ты поедешь со мной, — Родион подносит чашку с чаем ко рту и делает небольшой глоток. — Рекомендую быть хорошей девочкой.

Глаза холодные и равнодушные, как у хищника. Бросаю беглый взгляд на нож у разделочной доски и сжимаю трясущиеся ладони в кулаки.

— Пока твой муж не соизволит вернуть деньги, Яночка, — лениво рассматривает узоры на чашке, — ты моя собственность.

Затем переводит взор на нож.

— Что ты хотела с ним сделать, милая?

Воткнуть, например. С тремя мужиками я вряд ли справлюсь, но быть жертвенной овцой не хочу.

— Прежде чем совершить глупость, важно оценить риски, — Родион снисходительно глядит на меня. — Я же могу тебя саму убить. Вскрыть глотку и оставить Сергею непрозрачный намек, что он будет следующим. Я, конечно, этого делать не стану и не потому, что я такой жалостливый, нет. Мне любопытно, насколько твой муж мразота. Как ты думаешь, когда он вспомнит, что у него есть жена?

Вопрос, похоже, риторический. Родион встает и выходит из кухни, не дожидаясь моего ответа. Когда Петя делает ко мне шаг, я, метнувшись к раковине, вскидываю ладонь к ножу, но меня перехватывают на полпути, заламывают руки

под крики.

— Будьте с ней аккуратны. Без грубостей, — доносится строгий голос.

— Принято, — хмуро отвечает Алекс.

“Мальчики” Родиона молча стягивают руки за спиной пластиковыми хомутами, запихивают в мой визжащий рот кухонное полотенце, а затем, когда я пинаю Петю по колену, то фиксируют и лодыжки. В их движениях чувствуется профессионализм, сноровка и ловкость.

Лежу на полу, мычу и дергаюсь подобно неуклюжей гусенице. Подол халата задирается, оголяя бедра, и я замираю. Если продолжу в таком темпе, то Петя и Алекс увидят мои трусы, а я бы хотела избежать неуместной интимности в момент похищения.

— Пардон, мадам, — мрачно говорит Алекс, наклоняется и легко подхватывает меня на руки.

В ярости мычу в жалких попытках вытолкнуть кляп изо рта языком. Лицо его не выражает абсолютно ничего, будто он не связанную по рукам и ногам женщину выносит из квартиры, а охапку дров.

— Дверь закрой, — Родион кидает связку ключей в Петю и шагает к лифту.

Алекс со мной на руках за ним. И тут-то до меня доходит, что ситуация сложилась скверная, и меня реально похищают из-за очередной ошибки мужа, который бросил меня и не предупредил, что “одолжил” у босса крупную сумму денег.

Из-за соседней двери выглядывает соседка баба Маша — сухонькая любопытная старушка. Я в отчаянии мычу, умоляя ее позвонить в полицию.

— Вы шумите, — говорит она, с досадой глядя на Родиона.

— Скройся, — невозмутимо отвечает он и приглаживает волосы.

Баба Маша открывает рот, и Родион поворачивает к ней лицо. Я замолкаю. Именно с таким выражением холодного презрения вспарывают животы недругам и закапывают живьем их родственников. Баба Маша с открытым ртом пятится и запирается на несколько оборотов.

Двери лифта с приветливым писком разъезжаются в стороны, и Родион пропускает Алекса вперед, принимая из рук Пети зловеще позвякивающую связку ключей.

— Яна, — он нажимает кнопку первого этажа, — я повторюсь, будешь хорошей девочкой, то и я буду к тебе благосклонен. Давай обойдемся без лишней суеты.

А лишняя суета уже наведена, если можно так обозвать наглое пленение. И не я тут виновница, а мой муж, его босс и два утырка с уголовными мордами.

Глава 3. Халатик

Меня несут к припаркованному у крыльца черному гелендвагену. Какая все-таки уродливая машина: угловатая с массивными накладками колесных арок, широкой колеей и словно обрубленными боками и бампером. Никакой плавности и изящности. Злобно мычу, врываюсь, а на лице Алекса ни один мускул не дернется.

Петя распахивает заднюю боковую дверцу, и мой равнодушный носильщик буквально вкидывает в салон на кожаное сидение. С неразборчивым ворчанием, в котором я проклинаю Родиона и его мерзких прихвостней, неуклюже сажусь и бросаю уничижительный взгляд на Петю. Он без проявления эмоций захлопывает дверцу, чем меня выбешивает до красных ушей.

— Последняя деталь, Яна, — рядом опускается Родион и надевает мне на голову черный плотный мешок.

Я аж от возмущения цепенею и замолкаю. Какого хрена себе позволяет этот бородатый и элегантный бандит?! Фыркаю и откидываюсь назад. Я ничего не могу поделать, и мое мычание стало даже саму меня раздражать, поэтому я затыкаюсь и судорожно размышляю над своим положением.

Признаю: я очень неудачно вышла замуж и мне стоило развестись после года совместной жизни с Сергеем. Нет. Стоило послать его к чертовой бабушке с его первым свидан

нием. Господи, как он мог? Ладно чужие деньги просрал, но почему не пришел за мной? Если сбежал, то был в курсе того, что Родион — опасный тип.

Меня обволакивает тихая, ненавязчивая музыка, в которой я узнаю переливы виолончели и игривые трели свирели. Удивлена выбором композиции, потому что если не Родиону, то его браткам стоит слушать про золотые купола и владимирский централ с его ветром северным.

Вздрагиваю. Теплые пальцы аккуратно и ненавязчиво поправляют подол халата, накрывая мои колени. По коже проходит волна мурашек, и оскорблено и коротко мычу. Не трогай меня!

— Отвлекаешь, — улавливаю в голосе Родиона подозрительную хрипотцу.

Крепко сажу колени вместе, направив их в сторону от извращенца, которого, похоже, возбуждают связанные женщины с мешком на голове. Сдерживаю в себе из последних сил истерику и слезы страха.

Меня похитил босс моего мужа и я не знаю, что от него ожидать. Кто ему помешает, например, вывезти меня в лес и разделать по кусочкам или... Или... Всхлипываю, когда слышу, как Родион медленно выдыхает.

Я чувствую его возбуждение и взгляд на моей груди. Неужели пока я брыкалась, отвороты халата разошлись в стороны? А я ведь без бюстгалтера. Я не ждала в гости озабоченного мужика с гнусными планами выкрасть меня из

квартиры на глазах соседки.

Медленно, без лишних движений отворачиваюсь от Родиона и приваливаюсь к спинке сидения плечом. Руки и ноги затекли, а тонкие путы въелись в кожу. Шевелю пальцами, чтобы хоть немного разогнать кровь.

— Я освобожу твои руки и ноги, Яна, — вкрадчиво, но с предостережением говорит Родион. — Если ты вздумаешь взбрыкнуть, я тебя вновь свяжу. Ты меня поняла?

Киваю. Запястья и щиколотки горят, будто из не пластиком сдавили, а раскаленными обручами.

Щелчок, и хомут на запястье ослабевает. Не успеваю опомниться, как Родион приваливается ко мне, и срезает путы на щиколотках, а затем, через краткое мгновение, которое отдается в груди гулким ударом сердца, отстраняется. Растираю ноющие запястья и тянусь к мешку.

— Нет.

Мычу. У меня и челюсти болят от самодельного кляпа из кухонного полотенца. Спасибо, что не посудную губку в рот затолкали.

— Без криков.

Киваю.

— Можно.

Подныриваю пальцами под мешок, вытягиваю полотенце и с хриплым негодованием заявляю:

— Я не собака для команд с можно и нельзя.

Отбрасываю пропитанное слюной полотенце и торопливо

запахиваю халат. Все-таки я покрасовалась голой грудью перед Родионом и его прихвостнями. Стыдоба какая. Хоть бы кто предупредил, что вместо сериала на диване с бутерами и сладким чаем, меня ждет поездка неизвестно куда с тремя мужиками.

— Нет, не собака, — соглашается Родион. — Однако приказам ты будешь подчиняться.

— С какой целью ты меня похитил? Если бы у Сергея были деньги, то он бы, вероятно, не сбежал.

— Я допускаю мысль, что человек в момент паники теряет самообладание и в нем берет верх инстинкт самосохранения. Сергей, видимо, из тех людей, которые сначала бегут, а потом только думают. Я хочу верить, что он все-таки мужчина и выйдет на связь, чтобы отыскать любимую жену. Сумма подъемная, если постараться. Друзья, родственники, кредиты, заемы.

Очень любопытно, кто из дружков Сергея одолжит ему хотя бы тысячу долларов.

— Я хочу вернуть деньги, — продолжает Родион тихим и холодным тоном. — И готов разойтись с Сергеем полюбовно, потому что я признаю свою ошибку. Это я принял его на работу. Это я не увидел в нем лжеца.

Прикидываю в голове, сколько можно выручить с продажи квартиры с учетом выплаченной ипотеки. Миллиона четыре. Переводим в доллары и выходит около шестидесяти тысяч.

Предположим, что удалось спихнуть нашу с Сергеем двушку выше рыночной цены, и у нас на руках будет семьдесят тысяч. Где взять еще восемьдесят? Страсти с его и моих родителей? Продать их старые и крошечные квартиры в подмосковье и дачи? Ну, в принципе, рассчитаться с Родионом реально, только окажемся мы на улице и голожопые.

— Вопрос денег я буду решать с Сергеем. — Родион улавливает мою напряженное сопение и волны умственной активности. — Не с тобой, Яна. Ты заложница и веди себя соответственно.

— Но это контрпродуктивно, — резонно отмечаю я в темноте и духоте мешка.

— Я твоего мнения не спрашивал.

Срываю мешок с головы и смотрю в хищный профиль Родион. В полумраке отсветах фонарей, фар машин, мимо которых мы проносимся, он выглядит он пугающе-притягательным.

— Надень мешок.

— Сергей — мой муж, и так уж случилось, что я поклялась быть с ним в горе и радости.

Я, конечно, приняла твердое решение развестись, как только вопрос с Родионом будет улажен, но я не собираюсь сидеть и ждать, когда Сереженька выкупит меня. Я сама найду нужную сумму.

— Деньги вернет Сергей, — Родион чеканит каждое слово, — а не его упрямая, глупая и наглая жена.

Затем он смотрит на меня и приближает лицо. Так близко, что я вдыхаю его горячий выдох.

— Надень мешок на голову, Яна.

Смотрит в глаза, и под его гнетущим взглядом ощущаю себя не человеком, а морской свинкой, которую в любой момент могут сожрать, если она не перестанет вздорно попискивать и дразнить голодного тигра. Если бы сейчас Родион облизался, я бы не удивилась. Без лишних движений натягиваю на голову мешок.

— Босс, — насмешливо говорит Алекс, — а какая разница, кто вернет деньги?

— Большая, — устало вздыхает Родион.

— Ммм, — отвечает Алекс, словно понял, но я-то знаю, что он, как и я, недоумеваю.

Это мужской мир. Жестокий, беспощадный и нелогичный. И мне, простой женщине, отведена роль разменной монеты. Я не человек и не имею права бороться за свою свободу.

— А если Сергей не...

— Для начала пусть явится, — обрывает меня на полуслове Родион.

— А если... — у меня перехватывает дыхание и я шепчу, — мертв?

Мало ли. Он ведь мог в приступе паники и истерики покончить с собой. Он вот на днях говорил, что устал, когда я подняла вопрос, что было бы неплохо закрыть ипотеку до-

срочно, и даже сорвался на крик. И разбил мою любимую кружку. Как я не могла заметить, что он на пределе?

— Когда я увижу его труп, тогда и поговорим, — следует равнодушный ответ, и я всхлипываю.

Душно. Я задыхаюсь, и Родион приподнимает край мешка на нос. С открытым ртом делаю судорожный вдох, и мой подлый пленитель с нажимом проводит пальцем по нижней губе. Обомлев от наглости, боюсь пошевелиться. Ноги тяжелеют, руки немеют, а от требовательного прикосновения по щеке бежит легкая искра и слабостью растекается по мышцам.

Я знаю это ощущение, пусть оно давно не расцветало во мне. Его будят ласки, поцелуи и объятия, в которых хочется забыться. Сглатываю, и в следующее мгновение вслепую отбиваюсь от нахальной руки и взвизгиваю:

— Не трогай меня! Не трогай!

Под приглушенный издевательский смех возвращаю мешок на лицо, забившись в угол. Меня трясет, жар сменяется ознобом страха и обнимаю себя за плечи. Быть тихой, не отвечать и надеяться на благоразумие Родиона, что смешно. Если он вздумает переступить грань дозволенного, то никто его не остановит.

— Приехали, — строгий голос вырывает меня из студенистого плена страха и черного безмолвия. — Мешок можешь снять.

Глава 4. В доме врага

Мрачно смотрю на особняк Родиона и понимаю, что для него, собственно, сто пятьдесят тысяч зеленых — не такая уж и огромная сумма. Я однажды месяц проработала в риелторской конторе и могу с уверенностью сказать, что трехэтажный дом с панорамными окнами, террасами на втором и третьем этажах и облицовкой из светло-серого мрамора с благородными акварельными разводами стоит дохреналион денег.

Расположился этот дворец в современном стиле с лаконичными линиями и строгим экстерьером на огромном облагороженном участке земли: аккуратно стриженный газон, мощенные брусчаткой дорожки, высаженные рядами кусты у неширокой аллеи, что ведет к крыльцу.

Похоже, я оказалась в пафосной глуши в плену у богача-отшельника, который не приемлет близкого соседства с другими толстосумами. Ветер доносит до меня зловещий и приглушенный шелест, и я озираюсь, чтобы сориентироваться. В темноте ничего не разглядеть и я вижу лишь газон, дорожки и кусты, что растворяются в ночи. Предполагаю, что периметру территории, которая может занимать десятки соток, высадили деревья, чтобы отгородиться и обособиться от других участков. Хотя могли и воткнуть дом и посреди чащи. Почему нет-то?

— Ты не создаешь мне проблем и ты будешь здесь гостьей, а не пленницей, — Родион шагает к крыльцу дома.

В хмуром молчании шлепаю за ним босыми ногами по прохладной брусчатке, сминая мешок в руках. Меня не покидает ощущение, что я сама позволила себя притащить черт знает куда, ведь сейчас я следую за Родионом на своих двоих и не проявляю сопротивления.

Оглядываюсь на Петю и Алекса, которые не отстают от меня ни на шаг, и вздыхаю. Попытка сбежать обречена на провал. Да и в какую сторону мне бежать? Предположим, я проявлю чудеса ловкости, скорости и достигну ворот, а потом куда податься на ночь глядя?

Почему я думаю побеге? Потому что не верю, что Сергей жив. Он же не настолько урод, чтобы бросить жену на произвол судьбы, не предупредив, что влип в серьезные неприятности. Да и матушка его, которая с утра мне позвонила и с привычным ей презрением поинтересовалась, когда мы задумаем приехать в гости, не была взволнована или обеспокоена. Сергей, если бы к кому и поехал в первую очередь за защитой, то под крылышко мамули. Наверное.

А если он не повесился в уборной какой-нибудь грязной забегаловки и действительно трусливо сбежал, то я сама его прикончу. Он же клялся любить, оберегать и быть рядом! Я ему столько дерьма простила за все эти годы, а он трахнул бухгалтершу, обворовал босса и бросил меня ему на съедение! Швыряю мешок под ноги и останавливаюсь.

— В дом, — Родион разворачивается ко мне на пятках.

— Хватит мне приказывать.

Почему мужчины считают, что им все дозволено? Я вот не представляю, чтобы я похитила чужого мужа, если кто-то посмел украсть мои деньги. Да будь я хоть самой богатой женщиной в мире, мне бы в голову не пришло лишать свободы человека, который ничем передо мной лично не провинился.

— Я могу сама выплатить долг. Возможно, не сразу и не всей суммой, но я найду деньги, — говорю твердо и зло, глядя в глаза Родиона.

Тот молча переводит взор на Алекса, который сильными руками хватает меня и перебрасывает через плечо.

— Какая самостоятельная, — хмыкает Родион и поднимается по лестнице к двери. — Аж зубы сводит.

— Пусти! Сволочи! Мерзавцы!

Почему меня опять схватил Алекс? Что, у Родиона руки отвалятся? Раз уж похитил, то будь добр сам даму волоки в свои берлогу, а не поручай тяжелую работу с вырывающейся, напуганной и неадекватной женщиной другому.

— Хорошо! — рявкаю я в темном холле с высокими потолками. — Я поняла! Сама пойду!

— Поставь ее, — с нескрываемым раздражением отзывается Родион.

Оказавшись на ногах злобно затягиваю под его изучающим взглядом пояс, горделиво потрянув волосами, и рас-

прямляю плечи. Глупое я, наверное, произвожу впечатление, но я должна сохранить хоть крохи достоинства.

— Мы с тобой не договоримся, да? — уточняю я на всякий случай.

— Ответ положительный. Мне не нужны от тебя деньги.

Последняя фраза была сказана тихо и с подозрительной хрипотцой, будто у Родиона на меня очень гнусные планы, на которые ни одна приличная женщина не согласится. Запахиваю ворот халата под горло и поджимаю губы, но это не производит должного эффекта. Родион смотрит в глаза и молчит.

Ему не надо говорить, чтобы я и так поняла: он хочет меня. Мне кажется, я даже вижу в его зрачках, как он грубо и против воли берет меня на мраморной лестнице, игнорируя крики. Вот настолько у него красноречивый взгляд, от которого учащается сердцебиение и дрожат пальцы.

— И куда мне идти? — сипло спрашиваю я.

— Отведи гостью, — коротко обращается Родион к Алексу и шагает прочь к двойным дверям справа от входа.

Вздрагиваю на лестнице, ступени которой холодят босые ноги. Тишину разрывает громкий и истеричный сигнала. Алекс торопливо отвечает на звонок, застыв в полумраке, и молча кивает, будто собеседник на другом конце видит его.

— У матери его нет, — оглядывается на Родиона, который остановился в дверях, — и она тоже ничего не знает.

Выхватываю телефон под удивленный возглас Алекса и

кричу:

— Клавдия Ивановна! Это я!

— Хули ты орешь, припадочная? — шипит в трубке мужской голос. — Я чуть не оглох!

— Клавдия Ивановна! Вы живы? Они вас не тронули?!

Алекс вырывает у меня смартфон, сбрасывает звонок и прячет телефон в карман, сердито глядя мне в лицо. Он не одобряет моей наглости, как и Родион, который, тихо прищелкнув языком, скрывается в темноте дверного проема.

— Не кричи, — шепчет Алек.

— Она жива? — я понижаю голос.

Кивает и продолжает путь. Почему бы Родиону не похитить Клавдию Ивановну? Если Сергей сделал бы выбор, то точно в пользу своей матушки, хотя он и ее тоже кинул. И это так печально. Неужели мой супруг не подумал в момент опасности о родных и близких?

— Да жив он, — отзывается Алекс, заметив, как я украдкой вытираю слезы. — Он из тех, у кого кишка тонка...

— Не смей так говорить о моем муже, — поднимаю взгляд на него. — Он сложный человек, но не мерзавец.

— Боюсь, тебя ждет большое разочарование, — лицо Алекса сминается в презрительную гримасу. — И твой муж не сложный человек, а попросту крыса.

Ведет по коридору, а мне нечего ответить на его обвинения, чтобы их опровергнуть. Только сам Сергей в силах сейчас доказать себе, мне и Родиону, что он мужчина, который

ошибся и готов нести за проступок ответственность.

Явись он ко мне и Расскажи, что проиграл чужие деньги, то случился бы грандиозный скандал, после которого я, вероятно, села бы рядом и вместе с ним подумала, а как быть дальше. Я бы на время отодвинула в сторону злость, ревность, обиду и желание немедленно уйти, хлопнув дверью, и направила все силы, чтобы его спасти, ведь он мне не чужой человек. Он — моя семья, а я, видимо, для него давно посторонняя женщина.

Алекс распахивает передо мной дверь и в унынии захожу в комнату, утопающую во мраке. Щурюсь от внезапно вспыхнувшего света и закрываю глаза рукой.

— Доброй ночи.

Стою посреди просторной спальни, как нищенка в покоях какой-нибудь графини. Белое дерево облагорожено вычурной резьбой и позолотой. Стены оклеены светлыми обоями с цветочным орнаментом и украшены молдингами, а на окнах висят тяжелые и плотные шторы и многослойные ламбрекены.

Я вымотана, но не спешу валиться на широкую кровать с высоким изголовьем. Мне неуютно, муторно и тоскливо. Я в доме врага, и если я лягу под одеяло, которое соблазняет сладкими сновидениями, то я приму правила игры. Я ведь должна бороться, но каким образом мне отстоять себя?

Глава 5. Вопрос с подвохом

Я удивилась тому, что дверь в мое временное пристанище не заперли, а на окнах, что выходят на сад и трехъярусный фонтан, подсвеченный лампочками под водой, нет решеток. Забавно, началось все с хомутов на ногах и руках и мешка на голове, а пришло к уютной спальне с огромной кроватью. Где темница, спрашивается? Что за неприличное гостеприимство к жене нечистого на руку подчиненного?

Выглядываю в пустой коридор, прислушиваюсь к тишине и несмело выхожу из комнаты. Потоптавшись на ковровой дорожке, решительно шагаю к лестнице, с которой в коридор выныривает Родион. Он ослабляет галстук и останавливается. Притормаживаю и я.

— Мне бы водички выпить, — едва слышно лгу я.

Могла бы из крана глотнуть водички, пустая ты голова, если жажда так замучила. Родион заносчиво кивает, и я обхожу его по стеночке, с опаской поглядывая в надменное лицо. Развязал галстук, расстегнул ворот рубашки, а такое ощущение, что не шею с яремной впадиной оголил, а весь торс.

— Спокойной ночи, — говорю я и криво улыбаюсь.

Мне не важен ответ, поэтому спешно спускаюсь в холл и в растерянности замираю. Что дальше? Да, я прекрасно понимаю, что в ловушке, но сидеть, а тем более лечь спать, я не могу.

— Куда ты, Яна?

Опомнившись у открытой входной дверь, стискиваю холодную бронзовую ручку. Оглядываюсь на Родиона. Пока раздумывала над тем, что предпринять, выпала из реальности и на автопилоте решила сбежать в ночь.

— Я составлю тебе компанию.

Родион стоит у лестницы, спрятав руки в карманы брюк. Напряженный и сосредоточенный. И мне становится неловко, что создаю серьезному человеку лишние проблемы, но одергиваю себя. Это он проблема. Не я и не мое естественное желание покинуть чужой дом.

— Ну, составь, — пожимаю плечами и иду налево.

— Там бильярдная.

Останавливаюсь и удивленно смотрю на Родиона. Он серьезно? С другой стороны, чему мне изумляться? Это в обычную квартиру не запихнуть бильярдный стол, а тут места полно.

— Хочешь сыграть?

— Я не умею.

— Научу.

— Нее-е-ет, — из меня вырывается истеричный смешок.

Я в курсе, как учат играть в бильярд: прижимаются сзади под предлогом помочь правильно удержать кий и велика вероятность, что игра закончится не забитым шаром в лузу. Жарковато, и откидываю волосы за спину и выдыхаю, шумно и с присвистом.

— Твое решение, — едва заметно хмурится и указывает на двери, в которых он скрылся пятнадцать минут назад. — Прошу.

Проходим через гостиную. Тусклые бра на стенах создают интимный уют посреди роскошной обстановки с бархатной обивкой, резными ножками, позолотой, толстыми коврами, шторами, что декорированы глубокими складками и текстильными обоями.

Я бы могла фыркнуть и мысленно обвинить Родиона в безвкусице, но вся помпезность и крикливость гармонична, и это удивительно. Ставлю дизайнеру пятерку с плюсом. Только человек с тонким чутьем может продумать композицию и не превратить комнату с причудливой и экстравагантной мебелью в филиал музея.

Затем мы оказываемся в столовой и выходим в огромную кухню, на которой поместится четыре моих, а, может, и пять. Хороший дом. Я бы его в ипотеку не потянула, даже если бы пахала на трех работах.

— Присаживайся, — Родион снимает пиджак и закатывает рукава.

Зависаю, наблюдая за ним. Вот он вроде бы ничего предосудительного не делает, а я вижу откровенный стриптиз. Пальцы его ловко расстегивают на правом запястье белые манжеты и неторопливо подворачивают их, оголяя крепкое предплечье. Поднимает на меня взгляд, и чувствую, как кровь требовательной волной приливает к промежности.

— Я передумала, — суетливо приглаживаю ворот халата и шагаю к двери, которую Родион закрывает и преграждает мне путь.

— Сядь.

— Я передумала. Не хочу пить.

— Я не передумал. Сядь.

Одно лишнее движение, и произойдет нечто, чего бы хотела телом, но не разумом. Есть два варианта: сесть за стол и сгладить напряжение или ринуться к двери подсобного входа в глубине кухни, чем усугубить ситуацию. Не стоит доводить мужчину, который прерывисто дышит и с трудом сдерживает в себе гнев.

— Ладно, я сяду, — отступаю от Родиона и опускаюсь на стул.

Несколько секунд он стоит в гнетущем молчании и смотрит в глаза, которые я опускаю, ведь зрительный контакт подогревает девичий трепет, что во мне давно не будил супруг. Так не должно быть.

Через минуту гудит кофемашина, напитывая воздух бодрящим запахом, и бросаю беглый взгляд на прямую спину Родиона, а затем на его провокационный зад в темных брюках. Он хорошо сложен. И такую фигуру не оправдать генетикой или везением.

Ставит стакан и садится напротив меня с чашкой кофе. Ловлю себя на мысли, что хочу выплеснуть воду в его наглую бородатую морду. Вспышка агрессии такая явственная,

яркая, что я сжимаю кулаки, и ногти впиваются в кожу ладоней. Жаркая взволнованность обратилась в злобу. И причина в том, в чем отказываюсь признаваться. Я в принципе не приемлю понятие “недотрах”, от которого я страдаю уже несколько лет.

Жадно выхлебываю воду и со стуком ставлю пустой стакан. Порываюсь встать, и Родион задает вопрос, который меня бьет арматурой по голове.

— Почему у вас с Сергеем нет детей?

— А это не твое дело, — голос у меня севший и тихий.

— В ком проблема? В тебе?

— Пошел нахер! — поддаюсь в его сторону. — Что, ребенок подумывал взять в заложники?

— Это не ответ, Яна.

Вопрос детей для меня, как красная тряпка для быка. Если с родственниками я могу сдержать в себе ярость, которая просыпается во мне при очередном вопросе “А когда детки? Часики тикают”, то перед Родионом выдавливать вежливую улыбку и юлить я не буду. Я брошу в него стакан, от которого он отшатнется в сторону и надменно вскинет бровь. Звон осколков, и бью кулаком по столу:

— Не твое дело!

— Значит, в Сергее?

— Во мне. В ком же еще?

Сдуваю локон со лба и выхожу из кухни. Проблема во мне. Это я просрала молодость, я пустила жизнь на самотек, я

решила закрыть глаза на проблемы в браке и бездействовать, пребывая в анабиозе.

— Вернись в дом, — на террасе перед крыльцом стоит Алекс и пялится в смартфон.

— Мне и воздухом нельзя подышать?

— Подыши, — чешет бровь и касается экрана. — В любом случае, далеко не убежишь, а если убежишь, то вернем, но лучше не бегай. Нам меньше мороки. Уладим дело с твоим мужем и живи спокойно.

— Спокойно уже не будет, — раздраженно цежу сквозь зубы и скрываюсь в доме. — Да и не было.

В холле вновь сталкиваюсь с Родионом. Шагает к выходу, небрежно держа телефон у уха и со строгостью недовольного отца кому-то говорит, мельком взглянув на меня:

— Чтобы встретила меня в чулках и на коленях с открытым ртом.

Разворачиваюсь и возмущенно провожаю негодяя взглядом, который прячет телефон в карман брюк и приглаживает пятерней волосы.

— Ты отвратителен, — слова сами срываются с губ.

Молча выходит и закрывает за собой дверь, и я зла, что меня и мою грубость проигнорировали, будто я пустое место. Сажусь на ступеньку, подперев лицо ладонями.

— Иди спать, — в дом возвращается невозмутимый Алекс.

— А бухгалтерша... — я вздыхаю и продолжаю, — кото-

рую мой муж... она красивая?

Я должна знать, с кем Сергей завел интрижку. После коленей и открытого рта в груди проклюнулись ростки ревности, которая была задавлена страхом и паникой.

— Иди спать.

— Ответь, — я слабо улыбаюсь и тихо добавляю, — пожалуйста.

Алекс оглядывается на дверь, а затем вновь смотрит на меня.

— Альтернативно красивая.

— Это как?

— Без слез не взглянешь.

— Не надо меня утешать и обманывать. Скажи правду.

— Правда в том, что эта орчиха в проем двери с трудом протискивается, — Алекс чешет затылок. — У меня бы и с виагрой не встал.

— Ясно, — поднимаюсь на ноги, пораженная его честностью.

Не хочу принимать правду, что Сергей вступил в связь с женщиной из-за меркантильных интересов. Может, он все-таки влюбился, а идея выкрасть деньги ему пришла потом? Орчиха ли, красавица ли не имеет, на самом деле, значения. Я смогла бы понять измену, которая родилась из симпатии, но не из-за желания использовать человека, чтобы подобраться к чужим деньгам.

Меня передергивает, словно я обмазалась чем-то лип-

ким, склизким и холодным. Мне надо принять ванну, чтобы смыть фантомную грязь. И как жаль, что душу мне не выстирать от пятен разочарования.

Глава 6. Тайна злого Дракона

Открываю глаза, вскрикиваю и отползаю к краю кровати, у которой стоит статная женщина в стильном брючном костюме цвета фуксии. Лицо жесткое, седое каре с прямой челкой подчеркивает ее острый хищный нос, а тонкие губы недовольно поджаты.

— Встань, — ледяным голосом командует она, — дай я на тебя посмотрю.

— А вы еще кто?

— Виолетта. И тут я по капризу одного нашего знакомого.

— Какого?

Виолетта уничижительно смотрит мне в глаза и цедит сквозь зубы:

— Родиона естественно.

— Он вас тоже похитил? — в изумлении шепчу я.

Господи, вот же ненасытное мурло. Одной пленницы ему недостаточно, решил себе и даму в годах приволочь?

— Встань.

— Хватит мне приказывать!

Виолетта сжимает переносицу и вздыхает. На пленницу она не тянет. И очень жаль. Мы бы могли бы с ней подружиться по причине нашего общего незавидного положения.

— Я здесь не для того, чтобы нянчиться с одной из шлюх Родиона, — ядовито шипит она и рывкает. — Встань!

Меня аж подбрасывает с кровати от ее зычного голоса. Не женщина, а прапорщик!

— Сними этот ужас, — Виолетта повелительно машет рукой, намекая, что ей не по вкусу мой халат. — Немедленно.

Через минуту упрямого молчания она заявляет:

— Я позову мальчиков Родиона. Я теряю терпение.

И ведь позовет. В серых глазах вижу решительность и твердое намерение меня раздеть. Скидываю халат, закрываю грудь рукой, и Виолетта выуживает из кармана портняжную ленту:

— Да боже мой, выпрями плечи и не закрывайся. Меня твои сиськи ничем не удивят. Они же у тебя не золотые!

Так-то Виолетта права. Мне не шестнадцать лет, чтобы стесняться наготы. Она окидывает меня цепким взглядом, подходит и с равнодушием измеряет объемы груди, талии и бедер.

— Размер ноги?

— Тридцать шестой.

— Подбородок выше, — она холодными пальцами приподнимает мое лицо. — И не забываем об осанке. Именно осанка делает женщину женщиной. Господи, и что он в тебе нашел?

Улавливаю в голосе Виолетты неприязнь и ревность, но не ревность любовницы, а ее подруги.

— Он меня похитил.

— Да мне начхать.

— Позвоните в полицию.

— Очень любопытно. И что же сделают наши brave борцы за справедливость? — Виолетта с издевкой приподнимает бровь и скручивает ленту. — Можешь не отвечать. Ничего они с Родионом не сделают. Он с ними на короткой ноге.

— Хотя бы скажите, где я нахожусь территориально? — не теряю надежды достучаться до холодной стервы.

— Ты не дотягиваешь до ее уровня, — Виолетта царственно вскидывает голову и, стуча каблучками, идет прочь.

— О ком речь-то? Вы мне хоть скажите, на кого мне равняться, а то я прям в растерянности.

— О Светлане, — кидает на меня пренебрежительный взгляд и выплывает из комнаты.

Стою в одних трусах, оплеванная с ног до головы незнакомой теткой и хлопаю ресницами. Накидываю на плечи халат, запахиваюсь и выскакиваю в коридор:

— Вы не имеете никакого морального права оскорблять меня, — окликаю Виолетту, которая оглядывается на меня у лестницы. Делаю к ней несколько злых шагов. — И я не шлюха Родиона, увы. Я тут нахожусь против воли.

— Мне, что, слезу пустить? — насмешливо фыркает. — Плак-плак?

— Нет, вам бы рот закрыть, — приглаживаю лацканы его приталенного пидажчка и поднимаю взгляд. — Словесный понос не красит женщину, Виолетта.

Щурится, отстраняется и торопливо спускается по лест-

нице, а затем оборачивается, смерив оценивающим взглядом, и задумчиво кивает своим мыслям.

— Через пару часов заглянет мой помощник. Я подберу тебе что-нибудь приличное.

— Что? — в небольшом изумлении спрашиваю я.

— Ты, может, и пленница, но расхаживать в халате и босиком все равно неприемлемо. Да и халат ли это, дорогуша? Какой-то мешок с поясом. Кошмар.

И кривится, чтобы я точно поняла: мешок с поясом стоит выкинуть или сжечь. Наверное, она права. Халат-то из синтетики, а не из хлопка, как вещала проницательная продавщица на рынке. Я ведь тогда подозревала, что меня самым наглым образом обманывают о тибетском хлопчатнике, что растет в горах среди снега.

Виолетта поправляет кончиками пальцев челку и спускается в холл, где с высокомерием осматривает отражение в зеркале и выпархивает на улицу. Я ничего не понимаю. Ясное дело, что я оскорбляю пафос логова Родиона босыми ногами и дешевым халатом, сшитым бедными китайскими девушками или даже детьми, но я отказываюсь быть куклой, которую оденут по его приказу во что-нибудь “приличное”.

Пусть вернут меня домой — там я отлично вписываюсь в интерьер. Или свяжут и запрут в кладовке, как настоящую заложницу. Мне бы было самой легче осознать происходящее и смириться с ролью пленницы, а то сплю я на шелковых простынях, что пахнут тонко и ненавязчиво розами, водные

процедуры принимаю в ванне с позолоченными ножками и нужду справляю на мраморном унитазе.

Возвращаюсь в комнату. Я сама себя посажу под замок, если никто до этого здесь не додумался. Знаете ли, возмутительно не запретить пленницу.

— Простите, — слышу тонкий женский голос и вежливый стук в дверь, — завтрак накрыт.

Вот. Еще завтрак накрывают. Очень мило, если не знать, что за всем этим гостеприимством скрывается неуважение к похищенной женщине, как к личности. Не нужны мне все эти блага и щедроты, я хочу домой к привычной жизни, которой я должна сама распоряжаться, а не Родион. Он ведь желает не деньги вернуть, а поиграть с человеческими жизнями.

В столовой я не нахожу хозяина дома, чему я очень рада. Не хочу его видеть. Это было бы странно завтракать за одним столом с тем, кто лишил меня свободы. Мне хватило выпить стакан воды в его компании. Начнет вновь задавать неудобные вопросы, которые я старательно избегаю.

Я голодна, и мне бы насладиться пышным омлетом, вафлями под растопленным шоколадом и чашечкой ароматного кофе, но кусок в горло не лезет. Вспоминается сказка, где дети попали к ведьме и им нельзя было откусывать аппетитных блюд, иначе они не вернутся домой. Глупо, но на секунду, когда я подношу кусочек воздушной яичной смеси к губам, мне становится по-детски страшно.

— Простите, — в столовую выходит низенькая и худощавая женщина с блеклым лицом и в сером платье с белым передником, — но вам стоит позавтракать. Родион Семенович попросил проследить за вами, чтобы вы поели.

— А если я не буду завтракать? — задаю я логичный вопрос. — Обедать и ужинать?

— Лучше не проверять, — женщина слабо улыбается.

— Помощи просить бесполезно?

Молча кивает и стоит, никуда не уходит.

— Я так и думала.

Вздыхаю и отправляю в рот солидный кусок легкого и воздушного угощения. Он тает на языке, и едва сдерживаю в себе стон удовольствия. Голодно накидываюсь на омлет с веточкой петрушки, затем на сладкие вафли и запиваю завтрак горячим кофе. По телу разливается тепло сытости, и смущенно прижимаю салфетку к губам.

— Спасибо.

Женщина прячет улыбку и скрывается за дверью. Поднимаю взгляд на потолок. Я не верю в страшные сказки, а Родион не похож на ведьму. Возможно, на дракона, который похитил принцессу, но увы, во мне нет королевских кровей, и рыцари не придут с ним сражаться.

После завтрака и долгих раздумий над несправедливостью жизнью я выхожу на улицу под ласковое солнышко. Как я и предполагала: территория дома огромная, и забор замаскирован редкой молодой чащей. За мной неотступно следу-

ет молчаливый Алекс, но в его сопровождении нет нужды. У домика, который вероятно отведен под комнаты для прислуги, я замечаю еще двоих крепких ребят в черной униформе. Они кивают моей смурной няньке и шагают по дорожке к аллее, что идет от крыльца дома до ворот.

— Я бы хотела побыть в одиночестве, — семеню среди молодых осин к забору.

— А я бы хотел в отпуск.

— Но этот вопрос не со мной тебе обсуждать, — сжимаю прохладные металлические прутья пальцами и смотрю сквозь кусты и заросли в надежде увидеть другой дом.

— Я думал, мы тут делимся сокровенным. Я в отпуске не был... ммм... никогда, — печально отзывается Алекс.

— Кто такая Светлана? — раз мы начали делиться сокровенным, то самое время утолить мое любопытство.

Алекс молчит. Смотрю в его мрачное лицо. Видимо, это слишком сокровенное, и мне не ответят.

— Бывшая жена?

В глазах проскальзывает темная тень. Разворачиваюсь к Алексу и приваливаюсь к прутьям спиной.

— Так он был женат? Интересно. Сбежала? Не выдержала его отвратительного характера и...

— Умерла, — сдавленно отвечает Алекс и вглядывается в глаза, а в них вижу предупреждение, чтобы я окончила допрос и не затрагивала больше эту тему.

Как неловко вышло. Хотела поглумиться, а коснулась тра-

гедии, о которой бы не желала ничего знать. Поджимаю пальцы на ногах, и опускаю взгляд. У чудовища, что выкрало чужую жену, есть свои неприятные и печальные тайны.

— И кто из вас Яна? — к нам дефилирует тощий щеголь в узких брючках и цветастой рубашечке в облипочку.

— Серьезно? — Алекс хмурит густые брови.

— Явно не ты, великан, — парень жеманно хихикает и приглаживает выбеленные волосы. — Или все же ты?

И опять заливисто смеется, отмахиваясь от Алекса:

— Шучу, пупсик. Расслабься, — причмокивает и оглядывает меня с головы до ног. — Ты Яна?

— Угу.

— Я тебя там шмотки привез.

Мое молчание расценивается как недоумение, и он как-призно тянет:

— От Виолетты-ы-ы-ы. Ну? — щелкает перед лицом пальцами, и моя нянька перехватывает его запястье. Ойкает. — Понял! Без рук, великан! Без рук!

— Вали, — шипит Алекс.

— Ну и манеры у вас тут, — растирает запястья и вихляя задом удаляется. — Боже, не работа, а одни нервы. Уволюсь!

— Похоже, он тоже давно не был в отпуске.

Алекс не из шутников. Он даже не улыбнулся, а лишь медленно моргнул и опять замер зловещей статуей передо мной.

— Родион как бы намекает, что ему твой халат не нравится, — наконец говорит он.

Отворачиваюсь от Алекса и вновь смотрю через чашу, а через секунду кричу:

— Помогите! Эй! Кто-нибудь!

А в ответ тишина и чириканье птичек с шелестом ветра. Я должна была попытаться. Пропустив волосы через пальцы, закрываю глаза и дышу, успокаивая липкую тревогу о будущем. Завтра понедельник, а он, как известно, день тяжелый. И если я без уважительной причины не явлюсь на работу, то к Родиону, долгу в сто пятьдесят тысяч и пропавшему мужу добавится еще одна проблема. В стране кризис, а на мне ипотека и ни в коем случае нельзя лишиться должности со страховкой и удобным графиком с восьми до пяти.

— Тебе бы переодеться до возвращения Родиона.

— Я готова назвать поименно всех дружков Сергея, — я в гневе смотрю в лицо Алекса. — Начнем, пожалуй, со Славы Хромого.

Его особенно недолюбливаю. Одноклассник Сергея, с которым он на рыбалку катался, а рыбы я так и не увидела. И фамилия у него не просто говорящая: он реально прихрамывает на левую ногу, которую повредил в юности.

— О тех, о ком ты в курсе, мы уже знаем. Не переживай, найдем мы твоего мужа.

— Когда? Мне завтра на работу. Может, поторопитесь? А? В отпуске он не был!

Сжимаю кулаки и зло топаю ногами мимо обескураженного Алекса по мягкой стриженной траве к дому, и именно в

этот момент меня окатывает ледяным душем из спринклера автоматизированной системы полива. Охаю, замираю и стою под холодными брызгами, и из меня вырывается отчаянный вопль ненависти.

— Найдите этого урода, я его собственными руками задушу!

Глава 7. Беги и не оглядывайся

То, что привез помощник Виолетты, нельзя назвать «шмотками». Шмотки продают на грязных рынках, а платья, которые висят в шкафу, можно найти только в модных бутиках, в которые не зайдет простая женщина, но если зайдет, то жизнь ее окрасится завистью и печалью.

Покрой простой и элегантный, без излишеств, а цвета приглушенные и пастельные. Снимаю с перекладины плечики с платьем приятного лавандового оттенка, и решаю примерить. Только примерить, а потом сниму и повешу обратно к остальным. Я не приму подарки от Родиона.

Под платьями выстроены в ряд пять пар туфель. У меня самой дома лишь две пары, а тут пять. И все нулевые. Любые бери, ставь на полочку и любуйся тонкими и высокими каблучками, изящными линиями и изгибами. Подхватываю пальцами пару светло-бежевых шпилек. Повторюсь, я лишь примерю, чтобы утолить женское любопытство.

Затем перевожу взгляд на черные металлические вешалки с кружевным бельем, что висят рядом с платьями, и в нерешительности кусаю губы. Хочу и его примерить. Почувствовать на коже воздушную красоту, переплетение тонких ниточек и взглянуть на себя со стороны. Я ведь женщина и хочу быть красивой.

— Я только примерю, — дрожащими пальцами хватаю

комплект из белых кружев. — Мне все равно нечем заняться.

Слабое оправдание, но я его усиленно натягиваю поверх гордости и честолюбия. Ну, хочу я хоть на минуту облачиться в дорогие вещи и почувствовать себя кем-то другим, а не уставшей от унылой жизни неудачницей.

Скидываю мокрый халат на пол. К нему же летят мои трусы, которые проиграли в битве с изящным плетением нитей, и уверенно шлепаю босыми ногами в ванную комнату. Я однозначно очень неправильная пленница. Где ж это видано, чтобы похищенную за долги мужа женщину щедро одаривали?

Принимаю душ, сушу волосы и выхожу в комнату. В очередной раз окидываю взглядом белье, платье и туфли. Нет, я не передумала. Примерю, обязательно презрительно фыркну в отражение и вернусь в мокрый и страшный халат.

Задерживаю дыхание и медленно, смакуя каждую секунду, надеваю невесомые трусики. Именно трусики, а не трусы. Трусы вон валяются у халата, а я стою в трусиках. В тонких, кружевных и прозрачных, как паутинка. Застегиваю бюстгальтер, обуваюсь в туфли на высоких шпильках и замираю у зеркала. Мне нравится та, кого я вижу в отражении. Нагота игриво прикрыта и подчеркивает мою небольшую грудь и плавную линию бедра. А я еще ничего.

— Неплохо, — слышу тихий и одобряющий голос Родиона.

Стоит, привалившись к косяку, и смотрит на меня тяжелым и темным взглядом. Запоздало вскрикиваю, хватаю платье с кровати и прижимаю к груди, отскочив к окну. Явился ко мне в одних спортивных штанах, и пугает широкой мускулистой грудью и напряженными кубиками пресса. Если я с каталога нижнего белья, то Родион сошел со страниц мужского журнала, который рекламирует какую-нибудь качалку со строгим тренером, и этот самый тренер заглянул ко мне в гости.

— Почему ты голый?

— Разве голый? — Родион насмешливо приподнимает бровь.

— Господи! — отворачиваюсь от него, крепко зажмурившись.

— Сзади тоже неплохой вид, — глухо резюмирует он.

Ничего не придумываю лучше, как спрятаться за плотной шторой:

— Уходи.

— Это мой дом, а ты дверь не закрыла. Расценил как приглашение зайти. Я зашел и не пожалел.

— Я закрыла! — выглядываю из-за шторы.

— Если бы закрыла, то я бы не зашел. Логично ведь, Яночка? — Родион неторопливо почесывает грудь, и я забываю, как моргать.

— Хватить себя мацать!

В некоторые моменты, такие, как сейчас, я не думаю над

тем, что говорю. Ну и таких моментов раньше и не было, чтобы ко мне в комнату завалился полуголый мужик, которому место не в будуаре приличной пленницы, а в... Я не знаю, где ему место, но точно не в моей жизни.

— Уходи!

— А если не уйду?

Прячусь за шторой и со злым пыхтением, как у ежа, к которому в нору влезла наглая волчья морда, надеваю платье и завожу руки за спину, чтобы одолеть упрямую молнию.

— Тебе помочь? — голос у Родиона насмешливый и вкрадчивый.

— Нет!

— Ах да. Ты же у нас сильная и независимая, — скучающе отзывается Родион.

— Да уж с замком как-нибудь справлюсь!

— Пока все выглядит так, будто тебя там прихватил удар эпилепсии.

Подцепляю пальцами язычок замка, и зубчики молнии приятно шуршат. Оправляю подол и выхожу из-за шторы.

— Да! Сильная! — стучу каблучками к Родиону. — Да! — останавливаюсь перед ним и цежу сквозь зубы. — Независимая!

А затем откидываю волосы за спину и смотрю в его глаза, изо всех сил стараясь не опускать взор на его грудь, живот и прочие непотребства, а очень хочется не только гостя оглядеть, но и коснуться. Пробежаться пальцами по сталь-

ным мышцам, уткнуться носом в его могучую шею и вдохнуть полной грудью терпкий запах его тела.

— Ясно, — Родион хмыкает, обходит меня и подхватывает с пола халат и мои трусы.

Вот же бессовестный наглец! Я ведь уверена, что закрывала дверь.

— Не смей! — взвизгиваю я, подскакиваю к нему и львицей вырываю из его пальцев трусы, которые прячу тут же за спиной. — Не трогай!

Пристыженно отступаю на несколько шагов. Готова за свои позорные трусы бороться до последнего. Нос откушу, бороду повыдираю и плечи его широченные расцарапаю, но не отдам.

— Это какие-то особенные и дорогие сердцу трусики? — серьезно спрашивает Родион, перекинув халат через руку.

— Ага, муж на годовщину подарил, — едко отзываюсь я.

В который раз убеждаюсь, что шутить я не умею. Лицо Родиона выражает полное недоумение. И не обвинять же его. Кто дарит жене на годовщину хлопковые трусы с зеленой резинкой и желтым бантиком. Нет, все же к похищению мне стоило подготовиться, чтобы сейчас не краснеть от стыда.

— Это была шутка, — сдавленно отвечаю я.

— Да, было бы печально, если это оказалось правдой, — Родион задумчиво приглаживает бровь и выходит из комнаты.

На последние три годовщины мне и трусов не подарили,

если что. Лишь целовали в висок и говорили, как меня бесконечно любят и с аппетитом сжирали праздничный ужин, уткнувшись в телефон блеклыми глазами.

Пустые слова, пустые обещания привели меня в дом человека, который будит во мне бурлящий поток эмоций от злости до обжигающего щеки смущения. Сажу на кровати, красиво наряженной куклой, и мну в руках трусы, за которые и стыдно и выкинуть жалко. Они же целые, без дырок, пусть и некрасивые. И куплены по скидке вместе с носками в маленьком магазинчике на углу дома.

— Жалко у пчелки, — прошипев под нос, встаю и решительно шагаю в ванную комнату, где выбрасываю трусы в стальную урну у мраморного унитаза.

Через минуту я смотрю в окно. В саду не вижу охранников. Он умиротворен, тих и романтичен. Было бы приятно прогуляться среди стриженных кустов, аккуратных деревьев и посидеть в тени раскидистой яблони и пофилософствовать о жизни или понежиться в теплых объятиях, но у меня другие планы.

Я сразу отметаю идею со связанными вместе простынями. Вряд ли у меня получатся крепкие узлы и ломать ноги-руки при неудачном падении со второго этажа я не хочу. Я схожу на разведку и улизну в сад, если получится через подсобный вход на кухне.

Часть меня тихо шепчет, что мне не стоит заигрывать с Родионом, ведь он может быть непредсказуемым в гневе. От-

сидись, Яна, в уголке спальни и не высовывайся. Тебе же было сказано: будь хорошей девочкой и не мути, сучка, воду.

Не могу. Вот просто не могу усидеть на месте. Я не собираюсь ждать, когда у Родиона переклинет в голове и он заставит встать на колени и открыть рот, ведь его прихвостники что-то не очень торопятся искать Сереженьку. Ох, мой милый Сереженька, самого бы тебя в кружева и в платье, чтобы ты, супруг мой ненаглядный, понял — воровать плохо и за кражу могут серьезно покарать.

В общем, на носочках спускаюсь на первый этаж, пробегаю через гостиную и пустую столовую и замираю у запертой кухни, из которой доносятся аппетитные запахи, а потом возвращаюсь в холл, ведь за лестницей есть две стеклянные массивные двери, что меня и приведут в сад.

Так себе из меня, конечно, разведчица, но я же вовремя опомнилась, поэтому не буду себя корить. Отворяю дверь и выглядываю на улицу, а у фонтана стоит Родион, приодетый в брюки и рубашку, и важно переговаривается с Петей. Водичка издевательски журчит и насмехается яркими бликами на солнце.

— Да вас тут же не было!

Родион замолкает и переводит на меня утомленный взгляд. Зря я влезла в тихую беседу.

— Моей гостье прямо-таки неймется, — хмурит брови и смотрит на Петю. — Подожди минуту.

А потом шагает ко мне. Пячусь, и Родион входит в дом,

бесшумно прикрыв за собой дверь.

— Сбежать надумала?

— Прогуляться.

— Хорошо, — Родион скалится в недоброй улыбке. — Давай так, Яночка. Я дам тебе время до вечера, чтобы у тебя был шанс скрыться.

— Не поняла.

— Я даю тебе шанс сбежать, — Родион смотрит на наручные часы.

— Это шутка какая-то?

— Нет, — поднимает сердитый взгляд. — Алекс отвезет тебя домой и с этого момента, когда он высадит тебя у подъезда, до семи вечера ты свободна. Достаточно времени, чтобы Красавице сбежать от Чудовища? М?

Я молча медленно смаргиваю с левого глаза соринку.

— А что потом? — едва слышно спрашиваю я

— А потом, Яночка, — Родион встает вплотную и горячо шепчет в лицо, — когда тебя вернут, у меня с тобой будет иной разговор. Ты не уважаешь меня и мою воспитанность по отношению к тебе.

Ноги подкашиваются от его голоса, что вибрирует нотками раздражения и гнева, и я медленно разворачиваюсь на носочках, чтобы в жутком безмолвии броситься наутек. Стоило уточнить, а какой со мной будет разговор, если я останусь, но адреналин в крови разжижает мозг и включает режим: “Беги и не оглядывайся”.

Глава 8. Герань и алиби

Опять на голове мешок. Я так взбудоражена, взвинчена, что уже через пять минут забываю о нем, и Алексу не стоит напоминать, что его не рекомендуется снимать. Сажу в темноте с пустой головой и вспотевшими ладонями на коленях. Родион меня отпустил, и что дальше делать-то? Совершенно никаких идей. Всю дорогу пытаюсь выхватить из лихорадящего сознания хоть одну умную мысль, но тщетно. Меня будто несколько раз приложили лбом о бетонную стену.

С белым шумом в голове я выползаю из машины и озираюсь по сторонам. Дети на площадке кричат, мамы молодые с колясками прогуливаются и не знают, что их соседку похитили вчера вечером.

— До встречи, Яна, — Алекс опускает водительское стекло и протягивает руку, чтобы забрать мешок.

— И что мне делать?

— Если ты спрашиваешь совета, — он бросает мешок на сидение и вручает ключи, — садись в машину и поехали обратно.

— Я пойду в полицию.

— Иди.

Ни тени страха в глазах.

— То есть если бы вы меня убили, расчленили и кинули в подъезд, то никому из вас не прилетело?

— Тебе бы страшилки на ночь рассказывать, — Алекс беззаботно смеется, но через секунду спокойно продолжает. — Нет, не прилетело бы, но мы же маньяки, Яна. Мы работаем иначе.

— Похищаете чужих жен.

— В том числе.

Поднимает стекло, и машина с тихим шуршанием покидает двор. Поднимаюсь в пустую квартиру. Следов пребывания Сергея не нахожу и сижу минут двадцать на кухне, гипнотизируя засохший пакетик чая на блюде.

Поехать к родителям не вариант. Зачем их лишний раз пугать и сталкивать лбами с ребятами Родиона? С друзьями у меня туго. На одногруппницу Веру, с которой я изредка встречаюсь выпить кофе, выйдут быстро и оперативно. Подставлять ее не хочется. У нее дети и своих забот выше головы.

С коллегами у меня чисто рабочие отношения, а про начальника и говорить нечего. Пошлет далеко-надолго и уволит, ведь ему нужны беспроблемные подчиненные, а Родион — очень большая проблема. И вот вопрос: как Сергею удалось спрятаться от него? И где? Подсказал бы адресок, что ли, между делом.

Все-таки решаю пойти в отделение полиции. Алекс может бравировать, но я не теряю надежды получить помощь и защиту. О, и как же я ошибалась. В участке с выкрашенными в голубой цвет стенами на меня смотрят как на полоумную,

когда я требую принять заявление о похищении. В углу гудит старенький вентилятор и запутывает мысли легким ветерком.

— Кто вас похитил? — в очередной раз спрашивает дежурный с мутным взглядом, лениво развалившись за стойкой на кресле со скрипучей спинкой.

— Босс моего мужа!

— А кто босс вашего мужа?

— Родион... Родион Семенович!

Переглядывается с другим сотрудником, который отвлекается от записей в журнале, и вновь смотрит на меня.

— Вы меня слушаете, нет?

Пересказываю свою историю, но никто не торопится ее фиксировать. Звучит она в пересказе глупо, нелогично и наивно.

— Думаю, вашему боссу стоит самому обратиться к нам, если его обокрали на сто пятьдесят тысяч зеленых, — дежурный щелкает ручкой.

— Да это не мой босс! — вскрикиваю и бью ладонью по стойке. — А босс моего мужа, который пропал! — замолкаю и сдержанно спрашиваю. — Кстати, стоит, наверное, написать заявление о его пропаже?

— Вашего мужа тоже похитили?

— Нет! Меня похитили! Меня! Мешок на голову и увезли в неизвестном направлении!

— Хм. А как вы тут оказались?

— Меня до вечера отпустили.

Задумчиво поглаживает подбородок и уточняет:

— Похитили и отпустили погулять?

— Мне нужна помощь, — сжимаю кулаки и твердо смотрю в глаза невероятно глупого мужчины. — В семь часов меня опять похитят. Понимаете?

— Почему именно в семь? — чешет ручкой щеку.

— Не знаю, — опешив на секунду, тихо отзываюсь я.

Я хочу кричать от бессилия, топтать ногами и разбить ноутбук о голову лентяя, который не выполняет свою работу.

— Заявление и пропаже мужа примем, — наконец он снисходительно кивает, — а вот тема с ваши похищением, — он встает и окидывает меня взглядом, — сомнительная.

— Это не моя одежда, — оправдываюсь я.

— Чья? — вновь садится и вертит в пальцах ручку.

— Мне ее... — накрываю лицо руками и понимаю, что похищение мое похоже на бред сумасшедшей. — Помогите мне. Я не должна была уходить, но... Господи... — раздвигаю пальцы и смотрю сквозь них на офицера. — Вы мне не верите?

— Почему же, верим.

Говорит, как с умалишенной. Тихо так и заискивающе. Буду кричать, вызовет скорую с санитарами, которые вколют мне успокоительных.

— Где обычно прячутся преступники, чтобы их не нашли? — заговорщически спрашиваю я.

— Так, а это уже интересно, — поддается в мою сторону, а его коллега в живом любопытстве внимает нашему разговору, — вы совершили преступление и хотите избежать наказания? Мужа с любовником убили, поэтому и придумали историю с похищением, как алиби?

— С каким любовником? — едва слышно уточняю я.

— С Родионом Семеновичем. С боссом мужа, — убедительно шепчет он. — Так? Я все правильно понял?

— Нет.

— Тогда расскажите, как все было, — опять щелкает ручкой и придвигает к себе блокнот. — Или вы с мужем убили его босса за сто пятьдесят тысяч долларов?

Одна версия удивительнее другой. Моргает и ждет подробностей в кровавом убийстве, совершенном моими слабыми руками.

— Вы в своем уме?

— А вы, гражданочка?

— У меня соседка герань украла! — меня отпихивает в сторону разъяренная старуха со всклокоченными седыми волосами. — Три горшка герани! Сука гадкая и не признается! Три горшка герани!

От нее пахнет кошачьей мочой и прогорклым маслом. В отделение залетает вторая бабушенция с платком на голове и выстиранной до белых пятен сорочке:

— Ты лучше расскажи, кто скомуниздил у меня кастрюлю! Герань?! Да я тебе эту герань в одно место затолкаю,

стервозина старая! Хорошая кастрюля была! На шесть литров варенья!

Дежурные устало переглядываются со мной и встают. Через минуту они отворяют решетчатую дверь, бряцая ключами, и бегут разнимать беснующихся боевых старух, которые оглушают меня криками.

Мне тут не помогут. Куда важнее успокаивать чокнутых бабулек, впавших в маразм, чем поверить в историю о похищении от женщины в дорогом модном платье. Отступаю к выходу и выбегаю на улицу, когда одна из старух начинает нечленораздельно голосить.

Куда пойти? У кого помощи просить? Кидаться к прохожим, пугать родственников, которые, как и я, люди скромные, маленькие и беспомощные? Нет у меня серьезных связей, облеченных властью знакомых или родственников, которые смогут выступить против несправедливости.

Как жутко. До холодной испарины между лопаток. Я одна, и за моей спиной нет никого сильного, страшного и опасного, а сама я слабая и испуганная. И еще я клиническая дура, потому что держу путь на автовокзал.

Паспорт с собой, остатки зарплаты с карточки сняты. На поезд не сяду, потому что смогут отследить по личным данным в билете, поэтому сяду на автобус и свалю в закат. Ладно, не в закат, а в глухую деревню. Еще не знаю в какую, но на месте разберусь.

— Куда? — щекастая тетка с рыжей химией на голове чав-

кает жвачкой.

— Куда-нибудь, где меня не найдут, — тихо шепчу я.

— Ясно, — причмокивает она. — От мужа бежишь?

— Ну, — я сглатываю, — типа того.

— До Владимира, а оттуда, деточка, в Пеньки, — клацает по клавиатуре пальцами с длинными и красными когтями. — Та еще дыра.

В Пеньки так в Пеньки. Я ведь умная женщина, а сесть и подумать не соизволю. Я же могу попасть в такую передрыгу, что Родион с его платьями и бельем покажется мне ангелом во плоти, но быть его гостьей-тире-пленницей не хочу. Пусть ищет другую, поговорчивее. Я же сбегу. От него, от себя и низменных желаний в Пеньки. Черт его знает, что меня ждет, но пятая точка просто требует приключений.

В автобусе меня немного отпускает. Рядом сидит благожелательный старичок с седыми усами и называет меня красавицей. Я вежливо улыбаюсь, но не вступаю в диалог и не раскрываю, зачем мне во Владимир и почему я налегке. Я же в бега ударилась и нельзя ни с кем вести беседы.

Автобус останавливается, и я вынырываю из дремоты. Пассажиры обеспокоены, а в салон вваливается Алекс и шипит на испуганного водителя:

— Не кипишуй. Я мадаму одну заберу.

И смотрит на меня.

— Нет! — рявкаю я.

— Да.

Меня тащат к дверям. Я вырываюсь, кричу и прошу о помощи, но никто не вступается за меня. Старичок, который льстил мне витиеватыми комплиментами час назад, выглядывает в окно и говорит:

— Бандиты, что ли, какие?

— Они самые!

— А вот это обидно, — вздыхает Алекс и выволакивает меня на обочину.

Дорогу автобусу перегородили два черных внедорожника, возле которых трутся трое угрюмых ребят.

— Один со мной не справился бы? — выворачиваюсь из рук Алекса и толкаю его в грудь. — Дружков притащил?

— А они для антуража, — обнажает зубы в улыбке и указывает на приземистого мужичка с черными очками на носу, — а этот пас тебя всю дорогу.

Тот с приветствием опускает очки и подмигивает.

— Ну, помогли тебе в полиции?

— Нет! Не помогли! — в отчаянии повышаю голос до визга. — Мне бабуськи помешали!

— Зато заявление о трех горшках герани приняли, — Алекс цедит каждое слово мне в лицо. — Быстро в машину. В Пеньки она собралась!

— Я не хочу возвращаться, — отступаю от него на несколько мелких шажочков. — Родион же... Что он со мной сделает?

— На расчлененку не надейся, — он вытаскивает из кар-

мана пластиковые хомуты. — Я готов утолить чужое любопытство и связать тебя на глазах зевак, но давай обойдемся без этого?

А пассажиры прямо прилипли к окнам и ждут развития событий с открытыми ртами. Бессовестные! Смахиваю со лба локон и с истеричным смешком ковыляю к одному из внедорожников.

— Яна, — окликает Алекс и когда я оборачиваюсь, кидает в меня черным мешком. — Ничего не забыла?

Уже в машине, натянув на голову мешок, понимаю, что не отказалась бы от мороженого, и это плохой признак. Я его ем редко: в моменты, когда хочется удавиться и света белого не видеть.

Глава 9. Великодушные негодяя

Нахожу ведерко мороженого в морозилке огромного холодильника. Поглаживаю пальцами матовый черный пластик, пробегаюсь по золотым буквам, которые обещают мне минуты сладкого наслаждения и дрожащими руками достаю ложку из ящика.

Родион даже не удосужился встретить меня, когда я злая и растрепанная выползла из машины и крикнула, что ненавижу его и чтоб он, подлец, бородой своей поперхнулся. Без ронятия, как ему это удастся, но пусть уж постарается.

Он прекрасно знал, что никуда я не сбегу и играл нечестно. За мной все время по пятам ходил один из его прихвостней, а я, дубовая голова, даже по сторонам не смотрела. Я же поверила, что он дал мне шанс сбежать, а он взял и обманул. Мужикам совсем веры нет.

— Ненавижу, — повторяю шепотом и вскрываю ведро с гримасой ярости. — Меня же в Пеньках ждет светлое будущее. Я бы там в сарае каком-нибудь переночевала.

Откидываю крышку в сторону. Ко всему прочему Алекс забрал у меня паспорт. Я попыталась воззвать к совести, но он сказал, что ему не за совесть платят. Я спросила сколько, а он промолчал, и мне теперь очень любопытно, за какую сумму он продал душу Родиону.

Поединать мороженым решаю в гостинной, в жутком полу-

мраке, что отлично дополняет мое унылое настроение. Пара ложек сладкого ванильного удовольствия, и ко мне на огонек заглядывает хозяин этого дома. В одном халате и красуется членом, от которого бы любая юная и не очень барышня потеряла бы дар речи, а, может, и сознание.

А дальше я убегаю, впечатленная до глубины души размерами и красотой Родиона. Хочу в Пеньки, подальше от извращенца, который ловким захватом жестоких пальцев за сосок лишает голоса. А про руку под подолом и стальных тисков на клиторе и говорить нечего. Как он ловко, без лишних неуклюжих поисков, отыскал за мгновение то, мимо чего вечно промахивался Сергей в редких попытках меня возбудить.

Стою перед зеркалом в узком бежевом платье и нервно приглаживаю ладонью правый рукав. Я была готова к тому, что Родион пойдет дальше проницательных пальцев. И хотела этого. Желание мое кипело под крышкой стыда и страха и когда было готово вырваться потоком, мне напомнили о Сергее. Благодарить ли мне его или винить?

— Яна, Родион ждет в кабинете, — Алекс заглядывает в спальню.

— Сергей уже тут? — смотрю на него через зеркало.

— Скоро будет.

— Он цел?

Алекс молча отходит в сторону и ждет, когда я выйду из комнаты. Он стал свидетелем, как Родион со стояком обла-

пал меня у стены, а на лице ни тени смущения, словно его босс каждый день на его глазах зажимает пленниц с гнусными намерениями.

Поднимаемся на третий этаж, и Алекс указывает на одну из закрытых дубовых дверей. Вхожу без стука с гордо поднятой головой в просторный и мрачный кабинет, фотография которого стала бы отличной иллюстрацией для романа про злодея-англичанина: панели из темного дерева на стенах, два кресла, обитые натуральной кожей перед массивным столом, плотные темно-зеленые шторы на окнах и диванчик у стены. И еще ковер, в густом ворсе которого утопаю каблук туфли. Воздух напитан запахами древесины и сладкого пряного табака.

— Сердечко трепещет перед встречей с мужем? — Родион развалился в кресле за столом с сигарой в пальцах и выдыхает густое облако дыма.

Он избавился от халата и тоже успел принарядиться в серый твидовый костюм-тройку. Хорош черт, если не думать о его члене, что портит весь элегантный образ холеного красавца с аккуратно уложенной бородой. Хотя его звериную похоть выдают еще глаза. Они горят недобрым огнем и буравят мое лицо.

— Трепещет, — соглашаюсь я и сажусь в кресло.

Вновь медитативно смакует дым и выпускает три призрачных колечка к потолку.

— Почему именно Пеньки?

— Не было времени на обдумывание маршрута.

— И чем бы ты там занялась?

— Коров доила.

— Ты умеешь? — вскидывает брови.

— Нет.

— А я умею. Главное — правильно ухватиться за соски вымени, — страхивает пепел в бронзовую пепельницу, не отрывая взгляда от моего лица.

К щекам приливает кровь, и мне кажется, из ушей повалит пар, настолько я разгневана и смущена одновременно.

— Я тебе не корова.

— Что тебя натолкнуло на мысль, что я считаю тебя коровой, Яночка?

Я не успеваю ответить. В кабинет буквально за шкуру втаскивают Сергея и швыряют на свободное кресло рядом со мной. Прижимаю руку ко рту. Он грязный, небритый, с кровавыми разводами на лице и оплывшим левым глазом. Брюки на нем мятые, пыльные, в пятнах и колючках репейника, а рубашка порвана и лишена нескольких пуговиц.

— Яна... — хрипит он. — Яночка...

Сердце сжимается от жалости, брезгливости, и я перевожу взгляд на двух уродов, что отряхивают руки.

— Вы его избили.

— Он сопротивлялся, — рывкает один из них, и Сергей вздрагивает, втягивает голову и опускает лицо.

— Свободны, — Родион лениво покачивается в кресле.

Дверь тихонько щелкает, и Сергей съезживается под взглядом черных глаз.

— Ну, Сережа, как у тебя дела?

— Родион Семенович, — голос у Сергея заискивающий и походит на скулеж избитой собаки, — мне так жаль.

Мне надо бы протянуть руку, коснуться его ладони, чтобы поддержать, но пошевелиться не могу.

— Жаль — это не про деловой диалог, Сережа. Где деньги?

— У меня нет денег, — дрожит, сцепив ладони в замок и опустив голову.

— Мы можем... — замолкаю под гнетущим взглядом Родиона.

Мне лучше молчать, я тут не для разговора, и Родион сейчас не потерпит капризов и истерик. У него деловая беседа с моим мужем, а мне положено заткнуться и не отвечивать.

— Как ты собираешься вернуть деньги, Сергей? — четко и чуть ли не по слогам спрашивает Родион.

А Сергей в ответ всхлипывает. Отворачиваюсь и плююсь на бронзовую лошадь на секретере. Он испуган, растерян, и я не должна его винить в слабости, но на душе гадко.

— Так, — Родион набирает в рот дыма и выпускает его белыми облачками. — Я дам тебе две недели, Сереж. После тебя выведу в лес и живьем закопаю.

— Родион Семенович...

В горле першит от дыма, и я кашляю, чтобы Сергей вспом-

нил: он, мать его, не один, и я, в отличие от него, готова встретить беду вместе с ним, пусть меня трясет от омерзения.

— Или, — Родион холодно улыбается и мне очень не нравится его тон, — ты сдашь в аренду свою жену на две недели, и забуду о твоём долге.

— Что? — пищит Сергей.

— Она оплатит твой долг натурой, — Родион откладывает скуренную до половины сигару на пепельницу и с циничным равнодушием продолжает, — я отымею ее во все щели и верну тебе от души оттраханной.

Переглядываюсь с Сергеем и вижу в его глазах облегчение и... радость?

— Ты... не смей, — шепчу и мой голос дрожит. — Мы найдем деньги. Найдем.

— Яна...

— Нет.

Это не мужчина. Это слизняк. Подлый, жалкий и трусливый урод, который готов жену кинуть в пасть монстра, лишь бы выйти сухим из воды. Это его должны отыметь во все щели, а не меня.

— Что тебе стоит? — Сергей неловко улыбается.

Мои брови ползут на лоб, и глаза я никогда так широко не открывала.

— Ты справишься, — он подбадривает меня, чем забивает последний гвоздь в наши отношения.

— Раз я сегодня я такой великодушный, — смеется Родион, откинувшись назад, — то Яночке я тоже дам выбор.

— Какой? — хрипло спрашиваю я и блекло смотрю в его колкие глаза.

— Ты уходишь. Вот прямо сейчас встаешь и покидаешь мой дом, но Сереженька остается, — голос мягкий, как у мурлыкающего кота. — Тебя больше никто не потревожит, Яна. Даю слово, что наши дороги не пересекутся.

— Что ты с ним сделаешь? — я складываю ладони на коленях.

— Алекс! — Родион продолжает скалиться в улыбке, а Сергей жалобно поглядывает на меня.

Алекс заходит в кабинет и замирает мрачной скалой у двери.

— Что бы ты посоветовал сделать с Сергеем?

— Не при даме будет сказано, — глухо отвечает он.

— Нет уж, скажи, — смотрю перед собой.

— Вырванные ногти, — бесцветно и сухо отзывается Алекс, — будут аперитивом.

Сергей с трясущимися плечами накрывает лицо руками и рыдает, а я все смотрю перед собой и вспоминаю, как я смущалась, когда он на первом свидании кормил меня с рук остывшей и жутко невкусной пиццей. Мы так тогда смеялись, всю ночь гуляли, а утром на парах я спала, сложив его куртку под головой.

— Уходи, Сергей.

Подскакивает и выбегает, позабыв обо мне. Я буду ему благодарна за минуты трепетной влюбленности, пусть и сейчас это не тот Сергей, который шептал на ушко тихие и наивные слова о любви. Да и я не та восторженная Яна, которая верила в светлое будущее. Жизнь оказалась полна отборного дерьма.

Родион кивает Алексу, и тот бесшумно выходит. Минуты молчания, печали о прошлом обрываются вопросом:

— Как тебя угораздило выйти замуж за такого мудака, Яна?

— Я его любила, — я горько усмехаюсь. — И он был... Если бы он сказал на первом свидании, что однажды подставит меня и отдаст за долги беспринципному негодяю, то, вероятно, я бы бежала, роняя тапки, но этого разговора не случилось.

Хочу укунить Родиона и сказать ему что-нибудь язвительное, чтобы стереть с его нахальной морды улыбку, но молчу. Я не была готова к тому, что муж будет рад подстелить меня под босса.

— Где нашли Сергея?

— Зачем тебе это знать?

— Мне любопытно, — пожимаю плечами.

— На заброшенной даче, — Родион тушит сигару, заинтересованно поглядывая на меня. — Он дружбу завел с бомжом, который ему и дал наводку, где можно пересидеть, но увы. Мы его нашли.

— М, — хмыкаю и щурюсь, — это то, чем ты гордишься? Гордишься тем, что похитил женщину и угрозами вынудил остаться? И у тебя хватит наглости, чтобы склонить ее к близости?

— Хватит, Яночка, — Родион встает, обходит стол и нависает надо мной, спрятав руки в карманы брюк. — Ты же сама назвала меня беспринципным негодяем, и я не стану тебя переубеждать в обратном. А теперь пора отрабатывать долг мужа, милая. Начнем с твоего рта.

Глава 10. Воспитательная беседа

Поднимаю взгляд на Родиона и встаю:

— Тебе не кажется, — пробегаю пальцами по лацканам пиджака и всматриваюсь в глаза, — что за сто пятьдесят тысяч можно было найти нескольких элитных и профессиональных шлюх, которые бы провернули с тобой такие фокусы, до которых мне очень и очень далеко?

— Согласен.

— Тогда в чем дело? Мы... — закусываю губы и после медленного выдоха продолжаю, — я бы вернула деньги. Нашла бы выход. За две недели что-нибудь придумала.

— В Пеньки бы уехала?

— Это не ответ, Родион. Две недели секса с заурядной женщиной, которая не удивит тебя мастерством, не стоят ста пятидесяти кусков зеленых, иначе я сомневаюсь в твоей адекватности. Я тебе напоминаю жену?

— Что? — Родион вскидывает бровь и смеется, шагнув к столу, а затем вновь ко мне разворачивается. — Нет, Яна. Светлану ты мне не напоминаешь. Между вами ничего общего.

В нем нет надрыва, лишь спокойная скорбь человека, пережившего тяжелую утрату и смирившегося с несправедливостью жизни.

— Сергей — кусок говна, — опирается о стол руками, —

но жена у него забавная. Уставшая, несчастная и мужика у нее давно не было, а у меня на нее стоит. Колом стоит, Яночка, как ни на одну элитную шлюху. Вот и все. И я могу позволить себе купить тебя за сто пятьдесят тысяч. Да, сомнительное вложение, но почему нет?

— Потому что это аморально? — предполагаю я.

— Сюрприз, Яна. Я не рыцарь на белом коне. И мораль у каждого человека своя. Твой муж не увидел ничего аморального присвоить чужие деньги, я не вижу проблемы в том, чтобы трахнуть его жену.

— Да только вот жена в ваших разборках не виновата.

— Она виновата в том, что выбрала в мужья уроды и не развелась с ним. Ты до последнего его поддерживала. Он же не в первый раз проигрывает деньги.

— Да, но...

— И ты не видела в этом проблемы.

— Видела.

— И? Что ты предприняла?

— Что это за допрос такой? — охаю я.

— Мы можем прекратить, и ты мне наконец-то отсосешь.

Заткнешь свой рот моим членом. Нет?

И смотрит на меня с ожиданием. Глаза прожигают насквозь, и я отступаю:

— Нет, — с отчаянной гордостью шагаю к двери.

Родион грубо хватает меня за запястье, рывком привлекает к себе, а через секунду заламывает руки, развернув спи-

ной и горячо шепчет на ухо:

— Спешу напомнить, Яночка, что именно от тебя зависит жизнь Сергея. Ты вновь вступилась за него. Он же вырос из детских штанишек, не так ли? Вот к чему был весь этот допрос. Ты в очередной раз принесла жертву за жалкого паразита, и он ничему так не научится. Ты не дала ему возможности ответить за ошибку, и сама ошиблась в решении.

— Ты мне тут воспитательную беседу вздумал провести?
— Слабо дергаюсь в крепком захвате.

— Беседой ничего не ограничится.

Проводит кончиком языка от мочки по изгибу ушной раковины, и вместе с этой медленной лаской по телу пробегает волна теплой дрожи, которую Родион улавливает. Разворачивает и не дает опомниться. Жадно впивается в губы, крепко стискивая мое лицо в ладонях.

Сильный, напористый и уверенный. Я в его руках такая слабая и маленькая. Вцепившись в его запястья, стою на цыпочках и пытаюсь оторвать его руки от лица. Самообладание тает с каждой секундой, и вот-вот поддамся горячей настойчивости. Уловив мое намерение цапнуть его за язык, Родион отшатывается, и в следующую секунду оказываюсь прижата к столу.

Я даже не сообразила, когда он успел меня развернуть, нагнуть, настолько он точен и ловок в своих движениях. Вскидываюсь, а Родион больно хватает меня за волосы, прижимается сзади. Чувствую сквозь ткань его восставший член, и

цепенею, когда тяжелая ладонь наотмашь бьет меня по правой ягодице:

— Тихо!

Он не выпустит меня, пока не получит желаемое, а мое возмущение тает под теплой ладонью, что поглаживает попу и спускается по бедру. Подцепив пальцами край узкого подола, медленно задирает его, и я взбрыкиваю. Слабо и неуверенно. Лишь для приличия, а Родион в ответ для порядка дергает за волосы. Его грубость отзывается во мне клокочущим стоном и требовательным теплом между ног.

Ловкие пальцы юркают под ластовицу трусиков, сдвигают ее в сторону, и я вскрикиваю от решительного толчка, что заполняет меня до краев и растягивает болезненным удовольствием. Родион не дает мне опомниться и буквально вколачивает в стол, жестоко удерживая за волосы. Никакой нежности, ласки. Только животная похоть и резкие неистовые рывки, на которые я отвечаю стонами и криками, захлебываясь в бурлящем потоке желания. Оно сжигает все мысли, стыд и страх и подчиняет тело инстинктам.

Мышцы схватывают судороги, и я верещу под рык Родиона, ослепленная вспышками удовольствия. Он прорывается через спазмы, и я чувствую, как пульсирует его член, мягкими толчками извергая густое семя. Тянет за волосы на себя, стискивает в удушающих объятиях и вжимается в меня в последних рваных фрикциях, продлевая затухающий оргазм.

В нахлынувшей слабости оседаю на пол к ногам своего

плениителя и роняю голову на грудь. Родион отступает и падает с тяжелыми и шумными вдохами и выдохами в кресло. В тишине шуршит ширинка, и я закрываю глаза. У меня нет сил, чтобы встать и покинуть кабинет, поэтому пусть меня защитит темнота.

— Ты очень громкая.

Выныриваю из омута неоформившихся и блеклых мыслей и недоуменно смотрю на самодовольного Родиона. Медленно моргаю, с трудом вникая в смысл сказанного, и сипло отвечаю:

— Извини.

— Если за что тебе стоит извиниться, так это за побег.

— Нет. За это я извиняться не буду, — облизываю пересохшие губы. — Я боролась за свободу.

— Но я ведь неравный тебе соперник, Яна.

Встаю и под осоловевшим взглядом Родиона оправляю юбку:

— Да, верно. И тебе стоило бы играть с равными тебе, а не забавляться с той, у которой был вариант лишь сбежать от тебя в Пеньки.

— И это очень грустно, Яночка.

Беседа наша неконструктивна и не имеет никакого смысла.

— Грустно то, что я буду раздвигать перед тобой ноги ради ублюдка, за которого мне не повезло выйти замуж.

— Я дал тебе выбор.

— Хреновый, мать твою, выбор!

— Но ты его сделала. И прекращай тут истерить, как девочка-подросток. Это утомляет.

Вздрагиваю, как от жестокой оплеухи. А Родион прав. Мои попытки донести до него, что разыгранная им ситуация отвратительна, выглядят истеричными капризами. Я пять минут назад визжала в его руках, как развратная потаскуха, и сейчас выворачиваюсь, чтобы обелить себя.

— Две недели? — уточняю я.

— Да.

— Я могу идти? Или мне еще отсосать тебе, чтобы пожелать доброй ночи?

— Я бы был не против, — Родион в спокойном умиротворении смотрит мне в лицо, — но у тебя сегодня день был полон эмоциональных потрясений и тебе стоит отдохнуть.

— Какой ты заботливый.

— Не со всеми.

— Так мне повезло?

— Определенно.

Раз мне позволили уйти, то я ухожу. На носочках, чтобы не топтать каблуками по ковру. Будь моя воля, я бы с удовольствием исчезла, растворилась и прекратила свое существование.

Молча выхожу в темный коридор. На лестнице приваливаюсь к стене и прячу лицо в ладони. Одно предательство за другим, и у меня нет возможности пережить подлость мужа

в истерике и громком скандале. Вместо этого я буду ублажать богатого мерзавца, который преподнес слишком жестокий урок жизни: я выбрала в спутники не того человека.

— Папа! — долетает задорный девичий голос. — Па! Папуля! Я дома!

Глава 11. Настенька и пленница

Спускаюсь на первый этаж. В холле перед раскрытым чемоданом сидит на корточках хрупкая чернявая девица лет двадцати, не больше. Рваные джинсы, цветастая футболка, темные волосы до плеч. Яростно перебирает вещи, с радостным возгласом выуживает фигурку фарфорового ангелочка и протягивает ее мрачному Алексу:

— Как увидела этого пупсика с крылышками, так о тебе подумала, — с таким восторгом улыбается, что у меня самой уголки губ вздрагивают в умилении. — Скажи, один в один. Он такой же сердитый. И носик кривоват. Видать, тоже прилетело однажды от кого-то на небесах.

— Спасибо, — лицо у Алекса обескураженное и бледное. Вертит в пальцах ангелочка и медленно моргает. — Красота.

Подарки приятно получать каждому. Замечаю в его глазах чистую и незамутненную благодарность.

— Папа! — вскрикивает девица и удивленно замолкает, когда видит меня, а затем энергично вскакивает на ноги и широко улыбается. — Здравсьте! Я Настя! А ты?

— Яна, — едва слышно представляюсь я.

Настя кидает хитрый взгляд карих глаз на Алекса, который прячет ангелочка в карман, и решительно шагает ко мне:

— Какой сюрприз!

И заключает в теплые и дружеские объятия. Жалобно

смотрю на Алекса, который в ответ пожимает плечами.

— Неужели мой старик завел даму сердца? — Настя с восторгом заглядывает мне в лицо. — Вечно от меня все скрывает! Я ведь у него спрашивала, завел кого или нет, а он бу-бу-бу в ответ.

— Я не дама сердца, — блекло шепчу я.

— А кто? — она отстраняется, придерживая меня за плечи.

— Она моя пленница, — сверху доносится строгий голос Родиона, — на две недели.

— Папа! — в радости взвизгивает Настя и бросается к отцу, который крепко и со смехом обнимает ее. — Па!

Как-то мне очень неловко, поэтому я тихо и без лишнего шума переступаю несколько ступеней в желании скрыться в своей комнате, но Настя рывкает:

— Стоять! — а потом в возмущении всматривается в лицо Родиона. — В каком смысле пленница?

— В самом прямом, — он улыбается, а затем сердито щурится. — Почему ты здесь? Я тебя не ждал.

Получилось довольно грубо. Я бы обиделась, если бы меня с такими словами встретил отец после долгой разлуки.

— Соскучилась, — Настя спускается на несколько ступеней. — Я тебе сувениров привезла.

— Иди, — Родион повелительно кивает мне, и я преодолеваю еще три ступени.

— Реально пленница? — тихо переспрашивает Настя.

— Да.

— Немедленно освободи ее! — Настя повышает голос, и я загнанно оглядываюсь на нее.

Ты же моя хорошая. Как такое милое дитя уродилось у Родиона? Это же несправедливо. Если кого он и мог воспитать, то только такого же самовлюбленного монстра, а не гластастую красавицу, преисполненную досадой и негодованием.

— Лишать людей свободы — плохо! Папа! Ты чего?

— Ты бы меня предупредила заранее, что приедешь, — Родион прячет руки в карманы брюк.

— Или это у вас игры такие? — Настя переводит подозрительный взгляд на меня.

— Боюсь, что нет, — я слабо и криво улыбаюсь.

— Алекс! — Настя оборачивается на молчаливого верно-го слугу Родиона. — Это же шутка, да?

Тот качает головой, и Настя, уставившись на отца, озадаченно чешет ноготками висок. Вздыхаю и поднимаюсь еще на несколько ступеней.

— Подожди! — она подскакивает ко мне, хватая за руку, а затем закрывает меня грудью, когда Родион разворачивается в нашу сторону. — Я не одобряю твоих действий, папуля. Так нельзя.

Голосок дрожит от гнева и досады.

— Значит, вы подружитесь. Яна придерживается того же мнения, что и ты.

— Ты должен...

— Если бы я знал, Настенька, что ты навестишь меня, то Яны бы тут не было.

— Я хотела сделать тебе сюрприз, — тихо оправдывается Настя.

— И я рад этому сюрпризу, — Родион прикладывает руку к груди, — и жаль, что он омрачился некоторыми обстоятельствами. Ты насколько останешься?

— На месяц. У меня же каникулы.

— Ты ведь планировала их провести с друзьями. Или я что-то путаю? Про евро-тур говорила, нет?

— Я тебя почти год не видела. Ты тут, похоже, одичал, раз женщин похищаешь, — Настя нервно приглаживает волосы пятерней. — Вот и оставляй тебя в этом доме одного.

— Я тут лишняя, — встречаю в тихий семейный разговор. — Я, пожалуй, пойду.

— Ничего подобного, — Настя сжимает мою ладонь. — Ничего не лишняя.

Мимо нас по лестнице поднимается Алекс с чемоданом в руках. Родион переводит взгляд с дочери на меня и вновь взирает на Настю:

— Ты, наверное, устала с дороги. Поговорим утром.

И следует за Алексом расслабленной и непринужденной походкой. Для него беседа окончена.

— Ты ее не отпустишь? — охает Настя и провожает его обескураженными взглядом.

— Нет. Девочки, идите спать.

Стоим с Настей в тишине, и она едва слышно спрашивает:

— Что ты ему сделала?

— Мой муж украл у него деньги, — пристыженно отвожу взгляд.

— А ты тут при чем?

— Тут все очень сложно.

— Как обычно, — Настя вздыхает и закатывает глаза. — У папы по-другому не бывает, — улыбается и торопливо бежит вниз. — Я проголодалась. Составь мне компанию, а то я не очень люблю в одиночестве кушать.

Притормаживает и с ожиданием оглядывается. Решительно следуя за ней. Я сама сегодня нормально не пообедала и не поужинала. Несколько ложек мороженого не в счет.

Глава 12. Милость Чудовища

— Классные туфли, — Настя пропускает меня вперед в гостиную. — И платье тоже ничего.

— Виолетта постаралась, — бурчу под нос.

— О, ты уже успела и с ней познакомиться?

— И знакомство, мягко скажем, не удалось.

— Удалось, раз она тебя приодела. Папе, конечно, не стоило к ней обращаться.

— Почему?

Задаю вопрос, прежде чем его обдумать. Юркаю на кухню и замираю у стола в нерешительности.

— Они с моей мамой дружили, — Настя печально улыбается, — а папу Виолетта всегда недолюбливала, а он ее.

Открывает холодильник и продолжает:

— Она ее в последний путь и готовила. Красила, одевала...

— Настя, мне жаль, — я не знаю, что ответить на внезапную искренность.

— Прости, мне я не должна была...

Застыла у холодильника и не шевелится. Я не могу стоять в стороне. Обнимаю Настю, хоть и понимаю, что мое проявление сочувствия может быть лишним. Я ведь для нее чужая и незнакомая тетка.

— Три года прошло, а мне до сих пор... — она тихо и об-

реченно всхлипывает, а потом отстраняется и отворачивается. — Прости... Что-то накатило...

— Девочки, я же просил...

— А вот такие мы непослушные, — Настя торопливо смахивает слезы с щек и разворачивается к Родиону, что стоит в проеме двери. — И голодные. Гостью поди не кормишь, да? Вон какая бледная.

— А нехрен бегать в Пеньки, — Родион хмурится.

— Пеньки? — Настя вытаскивает из холодильника небольшую кастрюльку.

— Дыра какая-то под Владимиром.

— Может, я пойду?

— Ты же голодная, — Родион мрачно смотрит мне в глаза.

— Да, но...

— Сядь.

— Где твои манеры, папа? — Настя заглядывает в кастрюльку. — Ммм, котлетки.

Родион подходит к столу, отодвигает стул и скалится в улыбке:

— Прошу.

Сажусь под сердитым взглядом на стул, и Родион занимает место во главе стола.

— Па, ты будешь?

— Нет, я не голоден.

— А на гарнир у нас, — Настя вновь ныряет в холодильник и фыркает, — что это? Фу. Пюре из брокколи? Нет.

Обойдемся.

Обиженно захлопывает дверцу и возвращается к кастрюльке с котлетами.

— Почему отказалась от идеи отдохнуть с друзьями? — Родион цепко следит за дочерью.

— Я не могу понять, ты не рад меня видеть? — Настя закидывает котлеты в одну миску и ставит ее в микроволновку.

— Рад, но ты о чем-то темнишь.

— Я рассталась с парнем, — Настя разворачивается к отцу и скрещивает руки на груди.

— С парнем? — тихо повторяет Родион и вскидывает бровь.

Да он в бешенстве. Кровь приливает к щекам, крылья носа вздрагивают, а зрачки расширяются.

— Да. Ты женщин воруешь, а я с парнями расстаюсь. Один-один, папуля.

— И кто он? — нарочито спокойно спрашивает Родион.

— А вот не скажу.

— Я ведь все равно узнаю, Настенька.

— Па, я взрослая и имею право на личную жизнь.

Родион внезапно смотрит на меня в поисках поддержки, и я уточняю:

— Почему расстались?

— Замуж позвал.

Родион поперхнувшись, откашливается и встает:

— Замуж?!

— Так ты сбежала? — я внимательно смотрю в испуганное лицо Насти.

— Я не смогла ему сказать нет. Взяла время подумать и... вот я тут... — она смущенно размахивает руками. — Короче, я не вернусь в Чехию, хочу в Италию. Я уже универ нашла, и... разобраться с документами... но это мелочи... у меня все схвачено. Или, вообще, тут останусь... тут тоже неплохо...

— Настя, — шипит Родион.

— Я не думала, что меня Томаш замуж позовет! — она взвизгивает и прижимает ладонь к губам.

— Томаш, значит? — Родион садится и постукивает пальцами по столу. — И в Италию собралась?

— А ты женщин воруеть!

— Это к делу не относится! — Родион бьет кулаком по столу, и Настя вздрагивает.

— Смею согласиться, — тихо отзываюсь я, — но все же стоит сбавить обороты. Настя тут, приехала к тебе и ждет поддержки, а могла ничего не сказать.

— Я так и планировала, — Настя шмыгает носом и обиженно отворачивает лицо к окну. — Разорался, блин.

— А как мне реагировать? — озадаченно спрашивает Родион. — Я дал тебе свободу, как ты и просила, а ты возвращаешься и говоришь, что замуж собралась за какого-то Томаша!

— Да не хочу я за него замуж!

— Тогда зачем встречалась?

— А ты зачем Яну украл?

— Да етить-колотить! — рывкает Родион.

Пищит микроволновка, и Настя зло швыряет миску с котлетами на стол. Позвякивает вилками и ложками в одном из ящиков.

— Почему ты решила сбежать от Томаша? Он тебя обижал? — аккуратно спрашиваю я.

— Нет. Мы с ним потусили несколько недель, и его перемкнуло на любви до гроба...

— Потусили? — ревниво хрипит Родион.

— Да, па, потусили, — Настя садится за стол и накалывает котлету на вилку. — Он влюбился, а я нет.

— Невероятно, — Родион с клекотом встает и отходит к окну. — Отпустил, называется, учиться, а она там с Томашами тусит.

— Почему не смогла сказать “нет”? — касаюсь пальцами вилки.

— Да жалко мне его стало, — Настя откусывает кусок от котлеты и с аппетитом чавкает. — Глаза, как у щенка были.

— Господи... — Родион накрывает лицо ладонью.

— Я из жалости не подала на развод, и вот я где, — я поднимаю взгляд на Настю.

Родион смеется, и от его смеха во мне просыпается желание вновь сбежать.

— Думаешь, надо позвонить и сказать, финита ля коме-

дия? — Настя тщательно пережевывает котлету.

— Думаю, да.

Настя откладывает вилку, вытирает рот салфеткой и достает из кармана джинсов смартфон.

— Может, просто написать?

— Позвони, — командует Родион и терпеливо оглаживает бороду ладонью.

— Ладно, — касается экрана и прикладывает телефон к уху. — Звоню.

Через несколько секунд она обращается к невидимому собеседнику на какой-то очень печальной тарабарщине, из которой я вычленяю Томаша и “не”. Родион выхватывает из рук дочери телефон и в ярости рычит в него:

— Найду, на лоскуты порежу и через мясорубку пропущу! И скормлю бездомным псам!

— Па! Он же не понимает по-русски!

— Суть он уловил! — Родион кидает телефон на стол и зло вглядывается в глаза Насти. — Еще новости?

— Я семестр с одними пятерками закончила, — довольно улыбается и тянется за новой котлетой.

— Умница, — приобнимает и чмокает ее в макушку, — а про Италию мы переговорим позже.

— Угу, — Настя щурит глазки и прижимается к Родиону ласковым котенком. — И я, правда, соскучилась.

Дышать боюсь, чтобы не нарушить семейную идиллию.

— Па, а как бы ты отнесся к тому, если бы Томаш взял

меня и похитил? — с лукавством юной демоницы спрашивает Настя и поднимает взгляд. — На две недели, потому что он так решил?

— Ответ очевиден, Настенька. Я бы его вывернул мехом внутрь.

— Значит, и ты того же заслуживаешь? — Настя передразнивает тихую интонацию отца.

— Видишь ли, Яне с папочкой не так повезло, как тебе, — Родион щелкает Настю по носу. — И вопрос с Яной закрыт.

Он оправляет лацканы пиджака и выходит, злобно зыркнув на меня.

— Я пыталась, — Настя слабо улыбается, дожевывает последний кусок котлеты и широко зеваает. — Ты не против, если пойду спать?

— Сладких снов, — подпираю кулаком подбородок.

— Наверное, — Настя останавливается у двери и шепчет, — ты ему очень понравилась.

— Звучит, как угроза, — я ежусь и переплетаю ладони на столе в замок.

— Томаш сказал, что влюбился меня за три дня, — задумчиво тянет Настя.

— Да не дай бог, — сипло кряхчу я, ужаснувшись от ее слов.

Настя потягивается и оставляет меня наедине с котлетами. Тишина настраивает на меланхолию. Я в чужом доме и поучаствовала в уютной семейной беседе. Родион предстал

передо мной в другой роли. В роли отца взрослой дочери, и я увидела в нем живого человека, а не только эгоистичного самодура и похотливого кобеля.

— Милашка, да? — у стола стоит Алекс и жует котлету.
— Настя когда уехала, тут так тихо стало.

— Его жену убили? — поднимаю на него взгляд.

— Что? — Алекс кашляет и торопливо глотает. — Нет. Светлана болела.

— Рак?

Кивает и садится напротив:

— Откуда такие догадки насчет “убили”?

— Вы же бандиты, а у вас всегда какие-то разборки с летальными исходами. В том числе страдают и ваши близкие.

— Почему сразу бандиты? Бизнесмены, деловые люди...

— Что еще расскажешь?

— Ты слишком предвзята, — Алекс кривится.

— Вы меня похитили, мужа моего избили и ты лично обещал ему ногти вырвать. Еще вопросы?

— Бизнес он такой, довольно хлопотный, — Алекс скалится в улыбке и ковыряет мизинцем в зубах. — Да и ногти вырывал бы не я, а Петя. Это для меня слишком.

— А что не слишком?

— Руку могу сломать. Если сильно заведусь, то награжу открытым переломом. Пробуюсь потом, конечно.

— Потом — это когда?

— Когда дело будет окончено, отойду в сторонку и отведу

душу, — подхватывает пальцами очередную котлету и спешно добавляет, — но с дамами мы общаемся прилично.

— Без переломов? — хмыкаю я.

— Нет, без переломов, — серьезно отвечает Алекс. — Это ведь не по-мужски.

— И много ты рук переломал, ангелочек? — заинтересованно поддаюсь в его сторону.

— Заболтался я с тобой. Подловила меня в хорошем настроении, — недовольно цыкает и отправляет в свою безразмерную пасть котлету целиком, вероятно, чтобы не проговориться, скольких он искалечил.

Разочарованно выдохнув и хлопнув по коленям ладонями, встаю из-за стола. Алекс следует моему примеру, вытирая рот рукавом пиджака, и бубнит:

— Поехали.

— Куда?

— Домой.

— Не поняла?

— Родион отпускает тебя. Не хочет подавать дочери плохой пример.

— Вот прям отпускает? — не верю своим ушам. — Без никаких но?

— Без никаких но, — Алекс вытаскивает из кармана брюк мой паспорт и ключи, сует их мне в руки и шагает прочь из кухни.

Сконфуженная семеню за ним, и меня накрывает сильная

дрожь. Все кончено? Вот так просто? Мне трудно поверить, что Родион прислушался к словам Насти. Мне легче предположить, что он разочаровался во мне, как в любовнице, и решил выпнуть из дома. Он, в принципе, добился своей цели: унизил, показал, насколько жалок мой муж и насколько я сама ничтожна.

На улице у машины оглядываюсь и поднимаю взор. В окне на третьем этаже вижу темный силуэт, и неожиданно для меня самой сердце сжимается, а горло схватывает сильный спазм. Прикусываю язык, чтобы не разрыдаться, и ныряю в салон, вырвав из руки Алекса черный мешок.

Глава 13. Решительность

Красавицы

— Продаем квартиру, гасим ипотеку, делим то, что осталось, — я смотрю в окно, за которым набирает силу рассвет.
— И, конечно, же подаем на развод. Сегодня.
— Яна...

Когда я вошла в квартиру, Сергей ел пельмени и копался в телефоне. Ел, мать его, пельмени, которые лепила я на днях после работы. Ненавижу его. Слепой ненавистью, до скрежета зубов и желания забить чайником, а от запаха пельм

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.